

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Борохова

Адвокат черной королевы

Наталья Евгеньевна Борохова

Адвокат черной королевы

Серия «Адвокатский детектив»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176057
Адвокат черной королевы : Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26036-2

Аннотация

Молодой адвокат Лиза Дубровская поначалу ревновала своего жениха Андрея к его подруге детства. Но Алина быстро убедила ее, что между ними ничего нет, и даже предложила Лизе помощь в работе – легкое арбитражное дело о взыскании долга. Лиза это дело быстро выиграла, хотя в глаза не видела своего клиента, Алина просто передала от него доверенность. Но через несколько дней ответчика обнаружили убитым, а клиента, оказывается, вообще не существует в природе, доверенность липовая! В этих преступлениях обвинили Дубровскую, она оказалась в следственном изоляторе. И Лиза сама становится своим адвокатом.

Содержание

* * *

4

Два месяца назад...

30

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Наталья Борохова

Адвокат черной королевы

* * *

Полина Кузнецова, для своих – просто Поля, немало повидала на своем веку. Жизненный путь длиной в шестьдесят лет наложил на ее круглое, от природы добродушное лицо печать долгой и упорной борьбы за мало-мальски сытое существование. Получив на склоне лет теплое местечко консьержки в элитном доме для «тех самых», она наконец ощутила вкус сладкой жизни. Сидеть в чистом, светлом подъезде с фикусами на лестничных клетках, день-деньской смотреть цветной телевизор и получать за это деньги – было, в представлении Полины, неслыханным везением. Поэтому к своим трудовым обязанностям женщина относилась трепетно. Ей доставляло удовольствие подолгу допрашивать посторонних о целях их визита к жильцам «дома для избранных». Среди гостей попадались птицы высокого полета – солидные мужчины в дорогих костюмах, дамы с горностаями, но все они робели, как школьники, оказавшись под перекрестным огнем многочисленных вопросов неутомимой консьержки. Несколько раз жильцы пытались ей делать строгое внушение, но, в конце концов, махнули рукой. Полина Кузнецова

несла трудовую вахту с бдительностью пограничника, а это, как ни верти, было по всем причинам выгодно.

Вот и сегодня, оглядев с ног до головы молодую девушку в насквозь промокшей одежде, консьержка мигом подобралась.

– Полина Ивановна, это я – Елизавета Дубровская, – еле прошелестела синими от холода губами ночная посетительница. Она попыталась улыбнуться. – Вы меня не узнаете? Я – к Алине, в пятую квартиру.

Конечно, Кузнецова ее узнала. Эта девушка, по ее сведениям, адвокат, несколько раз была в гостях у Павловской. Но это отнюдь не значило, что консьержка пропустит ее наверх так просто, не задав ни единого вопроса. Причин тому было несколько. Во-первых, девушка на данный момент напоминала героиню известной сказки про принцессу и горошину. Вода струйками стекала с джинсовой одежды на мозаичный пол. Кроссовки раскисли от влаги и издавали при ходьбе противное чавканье. Зубы девицы отбивали дробь, а дрожащие руки едва удерживали сумку. Во-вторых, часы на стене показывали полночь, время, когда законопослушные граждане сидят по домам, а не шастают без веской причины по гостям. Таким образом, провернув в своей голове несколько мыслительных операций, Кузнецова решила дать бой.

– Стоять смирно и отвечать на вопросы. – Женщина придвинула к себе толстую тетрадь. – Кто такая? Профессия, адрес, цель визита. Пожалуйста, медленнее. Я буду записывать.

Она взяла ручку.

– Полина Ивановна! Я спешу.

Девушка предприняла попытку проскочить. Но мимо бдительной консьержки не смог пролететь бы даже шмель. Через несколько секунд настырная посетительница была водворена на место, а Кузнецова, пыхтя и отдуваясь, уселась за письменный стол.

– Фамилия?

– Полина Ивановна, я вам денег дам, только не записывайте меня, ради всего святого.

Елизавета выудила из кармана скомканную сотенную купюру. Лицо Кузнецовой приобрело цвет баклажана.

– Взятка?! Да как ты смеешь?

Девушка молитвенно сложила перед собой руки.

– Полина Ивановна, не волнуйтесь. Я, как адвокат, могу вам обещать, что поскольку вы не являетесь должностным лицом, то состав преступления в моих и ваших действиях отсутствует...

Давненько Кузнецову так не оскорбляли. Она себя чувствовала не кем иным, как самым ответственным и неподкупным должностным лицом. А эта девушка посмела наекнуть на ее более чем скромное место в этой жизни. В результате незадачливая посетительница вынуждена была для начала выслушать строгую отповедь о чести и совести, а потом еще четверть часа отвечать на вопросы, напоминающие хитроумный психологический тест. Уморившись трудиться на

нине общественной безопасности, женщина наконец выдохнула:

– Все! Можете идти.

Девушка направилась к лестничному маршу.

– Итак, время визита. Шестнадцатое октября. Час ночи, – прокряхтела Поля, записывая точные данные в свою тетрадь.

Потом, с чувством хорошо выполненного долга, откинулась на спинку удобного кресла...

...Стрелки часов уже подходили к двум часам ночи, когда дверь подъезда с шумом распахнулась. Толпа людей в камуфляжной форме ворвалась в холл. Впереди бежал маленький тщедушный человечек в гражданской одежде. Он суетливо размахивал руками и возбужденно кричал:

– Вы увидите, мы возьмем ее тепленькой!

Осоловелая после короткого сна, Полина Ивановна попыталась было воспрепятствовать вторжению, но ее бесцеремонно оттеснили в сторону. Какой-то строгий мужчина в форме, по всему видно, что начальник, спросил:

– Из пятой квартиры кто-нибудь выходил?

Кузнецова схватилась за заветную тетрадку.

– Сейчас я вам все скажу, у меня все записано...

Но странный мужчина, похлопав ее по плечу, бросил загадочную фразу: «Вас допросит следователь» – и устремился вверх по лестнице. Толпа последовала за ним.

– Пойдите, я не успела вас записать! – крикнула кон-

сьержка. Но обращалась она уже к пустоте...

Далее события разворачивались с молниеносной быстротой. Полина не успела даже перевести дух, как в подъезд ворвались еще не менее дюжины каких-то торопливых людей с серьезными лицами. Появились санитары с носилками.

– Труп где? – обратились к ней с вопросом.

– Чей? – застыла на месте консьержка.

– Ну не папы же римского! Труп Павловской Алины Станиславовны в какой квартире проживает? – неуместно пошутил кто-то.

– Ой! – прошептала бедная женщина, стекая в кресло.

Впервые за два года безупречной службы Полине Кузнецовой изменила выдержка. Трясущиеся руки не могли удерживать ручку, а традиционный вопрос о цели визита было не так легко произнести. В горле стоял ком...

Время остановилось. Мимо консьержки беспрестанно сновали люди. Какой-то человек в штатском задавал ей вопросы. Она что-то отвечала. Скорее всего невпопад, потому что он, махнув рукой, покрутил пальцем у виска и забрал из ее рук тетрадь.

Санитары пронесли к выходу что-то ужасное под белой простыней. Щуплый человечек, устроивший ночной переполох, что-то орал в телефонную трубку. Кажется, он требовал прессу и телевидение. Видимо, его призыв был услышан.

Люди с фотоаппаратами и камерами появились с завидной быстротой.

В голове Кузнецовой работала кузница: огромный молот опускался на наковальню, наполняя пространство нестерпимым грохотом. Она плохо соображала. Лица, звуки слились в один сплошной водоворот. Но хаос вдруг разбился вдребезги от отчаянного вопля:

– Это не я. Я ее не убивала! Не убивала!

«Ла, ла, ла!» – отозвалось эхо на верхних этажах.

Возмутители ночного спокойствия тащили под руки девушку. Джинсовая одежда так и не успела обсохнуть. Спутанные каштановые волосы прилипли к лицу. В карих глазах стоял ужас. Она сопротивлялась изо всех сил. Несмотря на субтильную комплекцию девицы, два упитанных стража порядка едва удерживали обезумевшую преступницу.

Застрекотали фотоаппараты. Заработали камеры.

«Сенсация года – убийца-адвокат!», «Оборотень в образе молодой девушки!», «Леди Макбет нашего уезда!» – слышалось со всех сторон.

– На счету этой особы уже два убийства! – позировал перед камерами щуплый человечек. – Я – сам адвокат, поэтому не буду называть вам пока фамилию и имя убийцы. У нее тоже есть права. Но думаю, скорый и справедливый суд без труда установит истину...

Полина, открыв рот, слушала речь адвоката, в которой слышался плохо скрытый триумф.

– ...Как видите, элитные дома, крепкие засовы и бдительные консьержи не могут спасти нас от преступности. – Он сделал реверанс в сторону Кузнецовой. – Не так ли, дорогая? Полина Ивановна не нашла что ему возразить...

Семен Иосифович Грановский, удобно расположившись в кресле под полосатым зонтиком, лениво листал книгу. Рядом щекотало гальку Средиземное море, а щедрое турецкое солнце ласкало спины отдыхающих. Стройные ножки, шоколадные плечики и прочие приятные взгляду женские прелести не способствовали чтению, а навевали на Грановского черную меланхолию. Не то чтобы Семен Иосифович был стар и ни на что, кроме воспитания внуков, уже не годился, отнюдь нет... Он был известным в своей профессии специалистом, весьма обеспеченным и уважаемым в городе человеком. Внешностью его бог не обидел. Почтенные седины придавали его облику респектабельность, а крепкое коротконогое тело находилось в прекрасной форме. Было время, когда пляжные красотки считали за честь провести с маститым адвокатом досуг. Конечно, они не были наслышаны о его славных победах на профессиональном поприще, но безошибочно улавливали приятный и неповторимый флер больших денег и почти безграничных возможностей. Но всему на свете приходит конец. Сейчас Семен Иосифович напоминал лишь тень того удачливого человека, каким был до недавнего времени. Всему виной была история, о которой Грановский ста-

рался не вспоминать...

Зазвонил мобильный телефон. Адвокат поморщился. Ко-
му он понадобился? Грановский не был расположен к бесе-
де. Все, что ему хотелось, так это тишины.

– Алло?

– Семен, это ты?

Разумный вопрос! А кто же еще?

Конечно, это был Зорин, председатель адвокатской пала-
ты. Что же там случилось такого, чтобы его беспокоили на
отдыхе?

– Петрович, позвони позже. Я занят. Мне делают массаж,
а ты знаешь, как в моем возрасте важно...

– Ты должен приехать! – довольно решительно прервал
его Зорин.

Ничего себе поворот! Он два года не был в отпуске.

– ...тут для тебя есть одно небольшое дельце.

– На миллион долларов? – вяло отшутился Грановский. –
На меньшее я не согласен.

– Бесплатное дело.

Если бы Грановский пил свой любимый молочный ликер,
он бы поперхнулся от такой несуразицы. Ему, непревзойден-
ному профессионалу, входящему в «золотую десятку» са-
мых успешных адвокатов страны, предлагают вести дело, на
которое принято отправлять желторотых неоперившихся ад-
вокатов.

– Петрович, тебе лучше объясниться. – Грановский обо-

шелся без резкости.

– Охотно. Ты будешь защищать нашу коллегу, Елизавету Дубровскую.

Если Семен Иосифович и оцепенел, то только на мгновение.

– А что она, проехала в троллейбусе без проездного билета? – съязвил он. – Или, быть может, она совершила умышленное убийство комара?

– Отчасти ты прав. Она убила двух человек.

Чертова связь! Грановский не сомневался, что последние слова Зорина были искажены помехами.

– Повтори, Петрович. Мне померещилась какая-то ерунда.

– Говорю тебе, она замочила двух человек! – проорал в трубку Зорин.

Грановский вышел из себя. Он, конечно, ценит юмор, но в другое время и при других обстоятельствах. Он нажал «отбой» и с досадой хрястнул себя по колену. Никакого покоя!

Телефон вновь зазвонил.

– Связь прервалась, – пожаловался Зорин. – Но я так и не понял, мы можем рассчитывать на тебя?

Нет, это невыносимо!

– Слушай, дорогой, оставь свои шутки при себе! – вспылил Грановский.

– Да какие, к чертовой бабушке, шутки! – в тон ему прокричал Зорин. – Мне не до смеха. В газетах – шумиха. Зна-

ешь, что пишут? «Адвокаты на тропе войны!» Меня уже вызывали в Управление юстиции и интересовались, где были наши глаза, когда мы принимали в ряды защитников человека с неустойчивой психикой и криминальными наклонностями.

Грановский начал наконец осознавать, что его не разыгрывают.

– Петрович, это бессмыслица. Если разобраться...

– К сожалению, дело верное. Я наводил справки. Ее взяли на месте последнего преступления. У следствия – море улик, для защиты – никаких шансов. Да ведь от тебя никто не будет требовать невозможного. Для нас важно проявить корпоративную солидарность – обеспечить бывшую коллегу надежной защитой. А там – как карты лягут. Будем писать письма на Колыму... Ну, так ты берешься за ее дело?

Легко сказать, да нелегко выполнить! Та самая история, о которой так не любил вспоминать Семен Иосифович, была связана именно с этой особой – Елизаветой Дубровской. Она же была причиной его меланхолии и карьерного падения.

Года два назад Лиза должна была начать свою работу в юридической фирме «Законность». Там под покровительством великого Грановского трудились сливки адвокатского сообщества, самые крутые профессионалы с надежными связями и безупречной репутацией. Конечно, взбалмошная Дубровская, выпускница юридической академии, и на пу-

шечный выстрел не была бы допущена в святая святых престижной адвокатской конторы, но... Но у Елизаветы был могущественный отец, занимавший важный государственный пост. Принять в ряды высокооплачиваемых адвокатов его неразумную и не приспособленную к жизни дочь означало многое. Для Грановского распахнулись бы двери высоких кабинетов, появились бы такие знакомства, о которых не приходилось даже и мечтать. Но судьба-злодейка внесла в приятные планы свои коррективы. Дубровский скончался от сердечного приступа, а его очаровательная дочь была тут же выставлена Грановским за двери с искренними пожеланиями счастья и успехов. Нет, он поступил по-джентльменски! Семен Иосифович отправил ее работать в самую бестолковую контору, в которой некогда начинал сам. Но разве это было не разумно? По мнению известного адвоката, молодежь должна учиться на трудностях, закалять характер. Это он обеспечил Елизавете по полной программе. Она трудилась за гроши, наработывая опыт, а Грановский иногда почему-то испытывал слабые уколы совести. Все шло своим чередом, пока учитель и ученица не встретились в громком уголовном процессе. В качестве гонорара великому адвокату причиталась вилла на побережье Испании и громкая слава. Елизавета должна была радоваться смехотворному вознаграждению от государства. Ключи от роскошного особняка, можно сказать, были у Грановского в кармане, когда в дело вмешался Его Величество Случай. Вздорная Дубровская, выяснив,

что главный фигурант громкого процесса был каким-то образом причастен к смерти ее отца, развалила хорошо поставленную защиту. Правильнее сказать, она подвела дело к обвинительному приговору. Клиент Грановского получил максимальный срок лишения свободы, а сам Семен Иосифович был смещен с поста руководителя «Законности». Он потерял немало выгодных клиентов, пресса заклевала его издевками, а коллеги решили, что известный защитник просто выдохся. Хуже было то, что Грановский им поверил...

– Как понимать твое молчание? – проявил нетерпение Зорин. – Берешься или нет?

– Хорошо, – вздохнул Грановский. – Я даю согласие.

Семен Иосифович был иногда суеверен. Девушка, ставшая некогда причиной его падения, могла оказаться спасительным мостиком в счастливое будущее...

Следователь прокуратуры Воронин перебирал собранные по делу материалы: характеристики Дубровской, копию диплома о высшем образовании, копию паспорта. С фотографии на него смотрело симпатичное девичье лицо: выразительные глаза, роскошные темные волосы. В жизни она производила впечатление испуганной лани: худенькая, невысокая и ужасно незащищенная. Таких принято опекать, поддерживать. Не нашлось бы мужчины, который поверил бы в то, что эта изящная женщина способна вынашивать чудовищ-

ные планы, ее тонкие руки могут без дрожи нанести смертельный удар, а стройные ноги легко спасут от преследования.

«Елизавета Дубровская пользовалась в коллективе уважением, участвовала в общественной жизни. По характеру она добрая, отзывчивая, готова прийти на помощь...» Хорошенький портрет убийцы? «По месту жительства характеризуется положительно. Дурных привычек не имеет. С соседями поддерживает хорошие отношения». Почему в характеристиках принято писать подобную чепуху? Какая разница, здоровалась ли убийца с соседями? Смягчает ли ее вину то, что она участвовала в художественной самодеятельности? Бред...

Воронин в сердцах отодвинул в сторону бумаги. Что до него, то он не попадет на ее слезливые заверения в собственной невиновности. Она получит сполна. Благо доказательств в этом деле хватает!

– ...В этой тетрадке я отмечаю все визиты к жильцам нашего подъезда, – исповедовалась перед следователем консьержка Кузнецова. – Сами понимаете, депутаты, бизнесмены, крупные начальники – народ не простой. Конечно, они не просили меня вести записи. Это, так сказать, больше моя инициатива. Мало ли что...

Полина готова была вывернуться наизнанку, только бы угодить следователю. После того ужасного случая, когда во

время ее дежурства была убита дочь известных родителей – Алина Павловская, ей довелось выслушать немало колких замечаний по поводу полной никчемности круглосуточной вахты в подъезде. Жильцы видели в ней гарантию собственной безопасности, а на деле оказалось, что толку от нее никакого.

– Полина Ивановна, – спрашивал следователь. – А могло такое случиться, что вы покинули свой пост на некоторое время?

– Никогда! – твердо заявляла Кузнецова.

Воронин кивал головой. Ранее допрошенные жильцы дома дружно подтвердили, что сдвинуть бабу Полю с места не смог бы даже бульдозер.

– Таким образом, вы утверждаете, что к Алине в этот вечер никто, кроме Дубровской, не приходил?

– Могу лечь на рельсы! – не к месту произнесла Кузнецова.

– Ну, это от вас не требуется, – улыбнулся следователь. – Вы рассказывали, что неоднократно видели нашу обвиняемую в гостях у Павловской. Можете ли вы охарактеризовать каким-либо образом их взаимоотношения?

– Тут и говорить нечего, – фыркнула Полина. – Алина была светлым ангелом, упокой господь ее душу. Нежная, приветливая, негордая... А эта ваша Дубровская мне с первого взгляда не понравилась. Заносчивая, нахальная. Деньги мне попыталась сунуть. Эту историю я вам уже рассказывала...

Воронин еще раз кивнул головой. Дубровская пыталась скрыть свой поздний визит к Алине. Ей ни за что не хотелось, чтобы ее фамилия фигурировала в записях бабы Поли. Это была прелюбопытная деталь.

– ...В тот вечер она мне показалась подозрительной. Я не зря не хотела ее пропускать. Глаза у нее были стеклянные, руки тряслись. Видать, нервничала сильно. А бедняжка Али-на словно предчувствовала свою смерть...

Воронин оторвался от своих дум.

– Почему вы так решили?

– А потому! – выпучила глаза баба Поля. – За несколько дней до убийства она попросила меня не пускать к ней никого без предварительного звонка.

– Она объяснила свою просьбу?

– Да, если это можно считать объяснением. «Жизнь, Полюшка, хорошая штука, и расставаться с ней у меня нет никакой охоты» – это единственное, чего я смогла от нее добиться.

– Так почему вы отнеслись к ее словам легкомысленно и пропустили Дубровскую?

– Звонила я! Только она не отвечала. Телефон, видать, отключила на ночь. Такое за ней водилось. А я, сказать по правде, представить себе не могла, чем обернется для нее визит этой адвокатессы!

Воронин ее прекрасно понимал. Действительно, трудно вообразить, что смерть иногда стучится в двери вовсе не в

образе старухи с косою или мужчины с ножом. Она приходит в гости в ненастную ночь в облике молодой красивой девушки с мокрыми от дождя волосами...

Мать Алины на допросе держалась превосходно. Только по тому, как внезапно белели костяшки ее пальцев, сжимавших ремешок сумочки, можно было понять, что за внешней невозмутимостью скрывается кровотокающая рана. Единственная дочь была отрадой и гордостью родителей.

– Алиночка была редкой красавицей, – рассказывала мать.

В этом следователь Воронин мог убедиться сам. Цветные снимки девушки, приобщенные к материалам дела, казались выполненными с рекламных проспектов. Павловская обладала модельной внешностью и, без всяких сомнений, забрала бы на конкурсах красоты все главные призы. Вот только участвовать в подобных шоу ей не позволяло воспитание и дворянское происхождение. Она с гордостью несла славную фамилию предков, и обнажаться на потребу толпе было противно ее достоинству.

– Она была чрезвычайно начитана. У нее было много друзей...

– Среди них были молодые люди?

– Разумеется. Но я так полагаю, вас интересуют более близкие отношения? Извольте... Несколько лет она считалась невестой Андрея Мерцалова. Вам что-нибудь говорит

это имя?

– Мерцалов... Мерцалов, – наморщил лоб следователь. – Пойдите-ка, это не тот известный фармацевт... Таблетки там всякие, пилюли... Мистер Анальгин – так вроде окрестили его некоторые газеты?

– Примерно так, – слабая улыбка тронула губы Павловской. – Для меня он, конечно, просто Андрей. Андрюша. Сын наших самых близких друзей. Они с Алиной, можно сказать, выросли вместе. Как-то так сложилось, что мы с его родителями давно мечтали об их свадьбе. Думали, что это вопрос времени. Они были бы прекрасной парой.

– А что решили молодые?

– Они нас не разочаровывали. С официальной церемонией они хотели подождать. Знаете, как это сейчас модно? Получить профессию, найти престижную работу, закрепить... Мы не возражали. Все шло просто замечательно, только...

– Что случилось? – перебил ее следователь. Поняв, что проявил непрофессиональную горячность, Воронин покраснел.

Но дама сделала вид, что не заметила излишнего любопытства работника прокуратуры. Она была в плену воспоминаний.

– Случилось неожиданное... Вернее, ожидать подобное было возможно, но мы оказались к этому не готовы. Андрей встретил эту вашу Дубровскую. Не знаю, каким образом ей

удалось одурманить ему мозги, но проделала она это весьма ловко. Мерцалов повел себя, мягко говоря, неадекватно. Привез ее к себе домой, познакомил с родителями. Более того, он притащил с собой даже ее мать.

– Речь шла о свадьбе?

– О! Разумеется, нет. Разве можно говорить о серьезности его намерений? Достаточно сравнить: Алина и Дубровская...

Воронин был согласен. При всей своей внешней миловидности Елизавета и в подметки не годилась дочери Павловских. Трудно было представить, что мужчина в здравом рас­судке способен предпочесть смазливую вертушку признанной светской красавице.

– Не мне вам объяснять. Иногда мужчинам нужно не лучшее, а просто другое. Вас влечет разнообразие. Но проходит время, и все становится на свои места. Шансов у ново­явленной пассии Мерцалова было ничтожно мало. Понятно, что Дубровская стала нервничать. Упустить такого выгодно­го жениха вовсе не входило в ее планы. Она устраивала без­образные сцены...

– Например? – вмешался следователь. Опасаясь, чтобы эта аристократка не сочла его дурно воспитанным, он поспешил оправдаться: – Извините, но я ищу мотив убийства. Мне важны детали.

– Вы получите мотив, будьте терпеливы. Вам нужны детали? Новоявленная муза Мерцалова вывернула шоколадный

крем на белое платье Алины. Все произошло в присутствии гостей. В результате мы получили половую тряпку от Версаче. В другой раз она проколола шины на автомобиле дочери. Дворник едва не поймал ее за руку. Я уже не говорю о пропавших бриллиантовых серьгах Алины, фамильной драгоценности. Мы пошли на поводу у дочери и не сообщили об этом прискорбном случае в органы. Как я сейчас понимаю, тюремная решетка и срок за кражу спасли бы и саму Дубровскую, и нашу бедную девочку.

– А как ко всему этому относилась Алина? – поинтересовался Воронин.

– Философски, – усмехнулась мать. – Алина была ангелом, не забывайте. Она всячески выгораживала самозванку. Не разрешала говорить о ней плохо и ни разу не намекнула Андрею о том, что за штучка эта его знакомая. «Мама, я не хочу стать причиной их размолвок. Если они расстанутся, то не я буду причиной их разлада». В этом была вся Алина.

– Что же произошло? Зачем Дубровской нужно было убивать вашу дочь?

– Я так думаю, что Андрей наконец осознал, что сделал глупость. Они поссорились. Он бросил ее и уехал за границу, вроде как по служебной необходимости. На самом деле он хотел все обдумать и решить. Только вот Дубровской подобный поворот сюжета был не нужен. Она убила Алину из ревности.

«И даже попыталась представить все как несчастный слу-

чай, – подумал Воронин. – Действительно, хладнокровная убийца».

В мозаике совершенного преступления оставалось все меньше свободных мест.

* * *

Адвокат Афонин имел способность утомлять любого излишним многословием. Фонтан его красноречия бил настолько мощно, что собеседнику не оставалось ничего иного, как подставлять свои уши в его безвозмездное пользование. Следователь Воронин потратил немало времени для того, чтобы заставить болтливого защитника делать небольшие паузы, в которые можно было бы вставить вопросы.

– Эта Дубровская – тертый калач, сразу не скажешь. Признаться, я вначале сам попался на ее уловки. Глазки там, улыбочки, юбка выше колена. Ну, вы понимаете... – Афонин захихикал. – Я познакомился с ней в суде. Рассматривали арбитражное дело. Я в этих вопросах большой специалист. У меня чутье настоящего профи. Знали бы вы, сколько на первый взгляд безнадежных дел мне довелось выиграть. Я умею...

– Не отвлекайтесь. Меня интересует Дубровская, – прервал его следователь.

– Ага. Так, о чем это я? Короче, она пыталась меня соблазнить. Назначала какие-то встречи, искала повод для те-

лефонных звонков. Не адвокат, а сексуальная террористка. Я-то сперва и не понял, что она затевает. Думал, что она без ума от меня. Знаете, женский пол почему-то проявляет ко мне всегда повышенное внимание. Наверняка дело в том, что...

– Ближе к делу.

– Так вот, эта ваша Дубровская нечестно играла. Она подделала кое-какие важные документы, ввела в заблуждение суд. Я вывел ее на чистую воду. Пригрозил ей сроком за мошенничество. Она испугалась. Пыталась задобрить меня. Слышали бы вы, какие непристойные предложения мне довелось от нее услышать. – Глаза Афонина масляно заблестели. – Но честь для меня важнее всего. Я бы ни за что...

– Ваши моральные устои вызывают восхищение. Дальше.

– Так вот, она вызвала меня и моего директора на конспиративную встречу. Заманила нас на отдаленную турбазу, в бунгало. Я-то сидел в машине, как и было оговорено, а вот Иван Васильевич зашел внутрь домика. Там она его и порешила. Не сомневаюсь, что настоящей мишенью был я. Меня спас случай...

– Вы утверждаете, что Дубровская убила Плешака?

– Так точно.

– Почему вы в этом так уверены?

– О времени и месте встречи знали только мы, трое. Но это цветочки. А ягодки заключаются в том, что я видел эту Дубровскую на месте преступления. Я в дверях столкнулся

с нашей убийцей. Она вытирала платком испачканные руки. На ней лица не было. Когда она поняла, что застигнута врасплох, преступница не долго мешкала. Она нанесла мне удар по голове, от которого я едва не стал инвалидом. Затем ринулась прочь. Конечно, истекая кровью, я не мог ее скрутить. Но тогда я еще не знал, что произошло. Зажимая рану, я зашел в бунгало и увидел распластанное на полу тело шефа. Я попытался оказать ему помощь, но было уже поздно. Заявление в милицию сделал я.

– Но все-таки Дубровская могла оказаться на месте преступления позже совершенного убийства. Так же, кстати, как и вы.

– Неувязочка, начальник, – цокнул языком чрезвычайно довольный собой Афонин. – Тогда ей незачем было убежать оттуда.

– Она – женщина. Увидела кровь – не совладала с собой. Была не в себе.

– Почему же она, когда пришла в себя, не обратилась к вам? Вместо этого начала бегать, скрываться.

«Он прав. Дубровскую искали больше недели. Дома она не появлялась, у знакомых тоже. Вряд ли это просто совпадение. Если бы не добровольный помощник милиции Афонин, то мы бы не скоро вышли на ее след».

– Кроме того, вы как-то легкомысленно относитесь к тем телесным повреждениям, которые эта стерва причинила мне. Она едва не проломила мне череп. Зачем невиновному

человеку нужно зверски расправляться со свидетелем убийства? – резонно заметил юрист.

«Ну, до твоей смерти было далеко, – подумал Воронин. – Хотя кровоподтек на лбу этого героя и впрямь выглядел впечатляюще. Эксперт также упоминал что-то о сотрясении мозга. Видимо, последствия удара оказались более серьезными, чем предполагалось ранее. Сам потерпевший так и не мог вспомнить, чем его огрела по темечку эта адвокатесса. Амнезия, да и только!»

– Благодаря вам Дубровскую поймали на месте очередного убийства. Вам знакома жертва, Алина Павловская?

Афонин замотал головой.

– Нет, не имел чести быть с ней знакомым. Видел ее фотографии в прессе. Говорят, она была незаурядной личностью, а кроме всего прочего, потрясающей красавицей. Вот, если бы вы прибыли чуток раньше, она, возможно, была бы жива. Я пас эту Дубровскую с ловкостью хищника, почуявшего добычу. Я тотчас же позвонил вам...

Воронин пристально рассматривал Афонина, спрашивая себя, почему этот чрезвычайно энергичный жизнелюб вызывает у него необъяснимое раздражение. Он взял себя в руки:

– Что теперь вспоминать. Вы свободны. Допрос окончен...

Проводив Афонина, следователь прошелся по кабинету. Он был удовлетворен. Все складывалось гладко. Собранных

доказательств с лихвой хватит на то, чтобы обеспечить Дубровской длительный срок лишения свободы.

Воронин уже ознакомился с материалами арбитражного дела. Афонин был прав: эта ушлая адвокатесса оказалась мошенницей. Она действовала очень нагло, полагая, что ее обман не будет обнаружен. Когда же ее приперли к стенке, она попыталась скрыть следы и совершила убийство. Этим криминальный демарш Дубровской не закончился. Едва минула неделя, она хладнокровно разрешила свои личные проблемы, отправив на тот свет бедную Павловскую.

Будучи особой не искушенной в искусстве заметания следов, Елизавета оставила массу улик. Так, адвокат Афонин в первом случае, во втором – консьержка Кузнецова стали почти что очевидцами преступлений. Родители Павловской смогли обосновать мотив убийства дочери. Материалы арбитражного дела пролили свет на некоторые обстоятельства, связанные с расправой над Плешаком.

А были еще отпечатки пальцев в квартире Алины и в бунгало на берегу озера. Был найден носовой платок Дубровской, испачканный кровью. Экспертизы были еще только назначены, но Воронин уже предвидел результаты. Чутье его подводило редко.

Одно только смущало бравого сыщика. Оба преступления, такие ясные и вполне объяснимые по отдельности, вместе составляли довольно странный коктейль. Слишком уж разные мотивы были у этих двух злодеяний. Напрашивал-

ся закономерный вывод: оба происшествия как-то связаны между собой. Вопрос только в том как.

Это предстояло выяснить. Но Воронин был уверен на все сто: он найдет невидимые на первый взгляд ниточки. Из этой паутины Дубровской будет не вырваться. Ни за что...

...Сидеть на бетонном полу было невыносимо холодно. Елизавета подтянула к себе колени. Ей казалось, что больше никогда в своей жизни она не согреется. Как хорошо было бы очутиться сейчас в своей постели под теплым пуховым одеялом, зарыться лицом в подушку и спать, спать... А теперь у нее была только джинсовая куртка. На нее можно сесть, ее можно положить под голову и можно накинуть на плечи. А хотелось всего и сразу.

– Эй! – раздался чей-то голос. – Убери ноги с прохода. Расселась, как корова.

Если кого и можно было назвать коровой, так, пожалуй, эту здоровенную девицу с рыжими патлами. Она прогуливалась по камере. Шесть шагов, поворот и обратно. Мелькание толстых ног, в теплых, с начесом штанах, продолжалось, казалось, вечность. Но Елизавета не решалась сделать замечание. Ей было не по себе.

Что могла она, девочка, выросшая в интеллигентной семье, сказать этой бабище, впитавшей грязь улицы? «Извините, но ваш променад действует мне на нервы!» После этой милой фразы нервы мигом успокоятся, зато начнет ныть че-

люсть, а в глазах будут плясать радужные кольца.

Лиза с детства привыкла к обожанию, потаканию и чрезмерной заботе.

«Лизонька, не забудь надеть шарф». Конечно, это няня Софья Илларионовна.

«Лисонька-Лиса, – поцелует ее мама. – Ложись-ка отдыхать, а эту твою курсовую работу завезет в институт наш шофер».

«Лисенок! Девушка должна быть опрятной, а в твоей сумке опять разлитые чернила, да и хлебные крошки», – строго скажет отец, но уже через минуту начнет весело тормозить ее.

Мама, папа, няня! Ей уже не хотелось реветь. Она прислонилась щекой к холодной стене, выкрашенной в безобразный горчичный цвет. Веки ее смежались, она засыпала. Только вопрос, нудный, как писк комара, продолжал кружиться в сознании:

«Зачем надо было их убивать? Зачем?»

Если бы можно было бы вернуться в прошлое. Ведь началось все так красиво!

Два месяца назад...

– Повернись-ка, – командовала Вероника Алексеевна. – Нет, доченька, это платье решительно не годится. Не забывай, мы приглашены на ужин к самим Мерцаловым!

Елизавета Дубровская уже два часа провела перед зеркалом, примеряя по очереди все наряды из своего гардероба. На кровати громоздилась целая гора одежды, а решение проблемы казалось таким же далеким, как снег на вершине Эвереста. Мать заламывала руки и поминутно хваталась за голову:

– Нет, только не эта блуза. Она же из хлопка. Хочешь, чтобы на нас смотрели, как на плебеев? А эта юбка?! Ты в ней похожа на сосиску – никаких изгибов. Что в талии, что в бедрах – все едино.

Лиза только пожимала плечами. На ее взгляд, хлопковая одежда как нельзя лучше соответствовала последним жарким дням уходящего лета. А что касается ее талии и бедер, то с этим у девушки – полный порядок. Конечно, она не похожа на даму с роскошными формами, а скорее на девочку-подростка, но такие особенности своей фигуры она не считала недостатком. Худенькая, невысокая, подвижная, на неизменно высоких каблуках – она была уверена в своей привлекательности! Но маме она привыкла доверять. К тому же Вероника Алексеевна износила немалое количество туфель на

всевозможных приемах, коктейлях, вечеринках и балах. Являясь женой высокопоставленного чиновника, она большую часть своей жизни посвятила выбору подходящих нарядов для того или иного случая. По этой части она была профессором...

– А если я надену вот этот костюм? – с надеждой спрашивала Лиза.

– Да ты с ума сошла! Ты что, не видишь, какого он оттенка?

– Ну и что?

– А то, что он тебе испортит всякий цвет лица. Ты будешь похожа на бледную поганку с черными пуговицами вместо глаз.

– Ладно, оставим костюм. Тогда вот этот топ со стразами и короткий кардиган из эластичного тюля. Ведь нежный абрикосовый цвет мне к лицу.

– Я не против абрикосов, – упрямылась мать. – Но эти стразы величиной с грецкий орех. Ты будешь переливаться, как рождественская ель. К тому же твое чудесное гранатовое кольцо здесь явно будет лишним.

– Колье можно не надевать, – возразила Лиза. – Оно слишком громоздкое и неизящное.

– Зато старинной работы и немалой цены. Ты же не хочешь, чтобы родители Андрея посчитали тебя неподходящей парой для своего сына?

– Это будет обыкновенный ужин, а не торжество по слу-

чаю помолвки.

– Посмотрим, – загадочно улыбалась мать.

В последующие два часа Елизавета услышала про себя немало интересного. Ее глаза были то «угольками», то «плошками». Ее прекрасные темные волосы – «хижиной дяди Тома». Грудь вообще не наблюдалось, а изящные ножки меняли свою форму в зависимости от длины юбки. «Макароны», «карандаши», «ходули», а также «бутылочки», «иксы» и «лапки кузнечика» – вот далеко не полный перечень сравнений, которые разбудили в ней сладко дремавший комплекс неполноценности.

Посчитав, что с ее внешностью можно выходить на улицу только в темную безлунную ночь, Лиза наотрез отказалась идти куда-либо. Вероника Алексеевна поняла, что перегнула палку. Зная крайне упрямый характер собственной дочери, она испугалась, что та выполнит свою угрозу и останется дома.

– Ну же, дорогая, – уговаривала она Лизу. – Ты же знаешь, что встречают по одежке! Потерпи, моя девочка, и ты затмишь всех своей красотой.

Лиза подчинилась. В конце концов, для четы Мерцаловых может оказаться небезразлично, как выглядит их будущая невестка. Что касается Андрея, то для него эти мелочи не имеют значения. Они любят друг друга, по-настоящему и навсегда...

То, что Вероника Алексеевна со своей предусмотрительностьюхватила через край, Лиза поняла сразу же, как только переступила порог роскошного особняка Мерцаловых. Нет, разумеется, люстры из венецианского стекла, коллекционные картины и целый штат прислуги никуда не делись. Они были на своих местах. Дом все так же напоминал пятизвездочный отель. Окна по-прежнему охватывали впечатляющую панораму обширного поместья, среди прочего включающего в себя собственную рощу и пруд, охотничий домик и широкую липовую аллею. Только вот немногочисленные гости, как, впрочем, и сами хозяева, выглядели слишком буднично. Никаких вечерних платьев и смокингов, умопомрачительных украшений и праздничных причесок. Все красиво и внешне просто (если кто, конечно, знает цену подобной простоте).

Елизавета в темно-синем атласном платье до пола, и ее мать – с глубоким декольте выглядели так, как будто с карнавала на минутку заскочили в офис, причем в самый разгар рабочего дня. Вероника Алексеевна поняла, что допустила промах. Лиза же в замешательстве стала крутить пальцами злосчастное кольцо, лихорадочно соображая, как незаметно снять его и спрятать в сумочку.

– Так вот вы какая, – приветствовала ее мадам Мерцалова. – Ну что же, примерно такой я вас себе и представляла.

Лиза спрашивала себя, кого ожидала увидеть мама Андрея и хорошо ли то, что она не обманулась в своих предпо-

ложениях.

– Мама, ты смущаешь Лизу, – пришел на помощь Андрей. – Конечно, она именно такая, как я тебе ее описывал, – необыкновенно красивая и умная. Я ее безумно люблю и надеюсь, что тебе она тоже понравится.

Конечно, эти слова отчасти успокоили Дубровскую, но ей показалось, что мать не совсем разделяет оптимизм сына. Госпожа Мерцалова рассматривала девушку с таким странным выражением лица, будто спрашивала себя, что нашел ее обожаемый отпрыск в этой самозванке.

– Добро пожаловать. – В ее голосе Лиза не услышала и нотки дружелюбия. – Сегодня у нас в гостях две семейные пары, наши близкие друзья – Павловские и Гладковы. Я вас с ними познакомлю. Пусть это будет наш маленький семейный ужин, так сказать, в узком кругу.

Лицо Дубровской полыхало. Конечно, их визиту никто и не собирался придавать особого значения. Обычный ужин, а она вырядилась, как девица на выданье. Ее мать чувствовала себя немногим лучше, пытаясь укутать обнаженные плечи в легкий газовый шарф.

Когда сели за стол, стало еще хуже. Лиза оказалась под прицелом нескольких пар настороженных глаз. Гости вели легкую беседу, а Дубровская время от времени ловила на себе их изучающие взгляды.

Девушка давно потеряла нить разговора. Ее ответы были неопределенны, а движения угловаты. Она с большим удо-

вольствием провалилась бы сквозь паркетный пол, только бы не испытывать те муки, на которые она себя обрекла сама, приняв приглашение в гости. Ах, почему она не осталась дома!

– Чем вы занимаетесь, милая? – спрашивала ее Павловская, холеная дама с аристократической внешностью.

– Я – адвокат, – еле слышно произнесла Лиза.

– Она занимается уголовными делами, – улыбнулся Андрей. – Не представляете, насколько это опасная работа. Я хочу ее уговорить поменять поле деятельности. В конце концов, для такой молодой и талантливой девушки найдется более подходящее занятие, чем проводить время в тюремных застенках.

– Совершенно с тобой согласен, Андрей, – встрял в разговор мужчина с брюшком. – Почему бы вам, дорогая, не заняться арбитражем?

– У меня еще нет опыта, да и с клиентурой проблемы, – пискнула Дубровская, покраснев до ушей.

Отец Андрея пожал плечами, уже не удивляясь никчемности новой знакомой сына. Разве можно ожидать от нее другого ответа?

– Но я надеюсь, вы имеете представление о самой процедуре арбитражного процесса? – не унимался толстяк.

– Весьма приблизительное.

– Жаль, я мог бы порекомендовать вас некоторым своим знакомым. У меня обширные связи в деловом мире. Там сто-

ящие адвокаты на вес золота. Если бы вы попробовали...

– Дорогой, – встряла госпожа Гладкова. – Девушка тебе ясно объяснила, что ничего не смыслит в хозяйственных делах. Что толку в этом разговоре? Кроме того, твои знакомые – преуспевающие бизнесмены. Боюсь, что их не устроит начинающий адвокат.

Лиза чувствовала себя маленькой и жалкой. Гости снисходительно поглядывали на нее, словно удивляясь, как такая неуклюжая и глупая особа могла оказаться в компании с людьми, для которых вся жизнь – сплошной успех.

– У Лизы все впереди, – вступился за нее Андрей. – Она еще покажет себя. В конце концов, все когда-то начинали. Говорю вам, она – редкая умница.

– Никто в этом не сомневается, – сказала Мерцалова таким тоном, каким обычно успокаивают безнадежно больного.

Беседа покатилась дальше, только ни Лиза, ни ее мать в ней участия не принимали. Говорили о каких-то людях, о которых Дубровские не имели представления, о домах, в которых они не бывали; смеялись шуткам, понятным только им самим. Андрей сидел напротив и изредка ободряюще улыбался Елизавете. Она же робко отвечала ему, стараясь не привлекать к себе внимания.

Для того чтобы хоть как-нибудь скрыть смущение и не сидеть истуканом, Дубровская делала вид, что занята едой. Но кусок не лез ей в горло, а минеральная вода, которой она

выпила немереное количество бокалов, вызывала тошноту. Елизавета с ужасом понимала, что ей нужно будет найти предлог, чтобы удалиться из-за стола. Но сделать это изящно у нее все равно не получится. Она не имеет представления, где в этом доме находится уборная. Значит, нужно вызвать Андрея. Какая глупая ситуация!

Но хозяйка дома внезапно объявила:

– Сделаем небольшой перерыв. Пока сервируют стол для чая, мы можем выйти на воздух. – Она обратилась к Павловским: – Надеюсь, Алина не пропустит свой любимый банановый пирог?

Гости, переговариваясь, вышли из-за стола.

– А кто эта Алина? – спросила Лиза Мерцалову, когда та подошла к ней.

– Это дочь Павловских, – просто ответила женщина. – *Невеста нашего сына. Она – славная девушка. Я не сомневаюсь, вы станете подругами...*

– Почему ты меня не предупредил? – Елизавета не пыталась сдержать негодование. – Ты обязан был поставить меня в известность...

Андрей насилу отбивался от странных претензий своей подруги. Они уединились в зимнем саду, где Дубровская наконец дала волю эмоциям. Еще бы! Она выставила себя в самом глупом свете, явившись разодетой в пух и прах туда, где ее, собственно, никто не ждал. Тихий семейный ужин «в уз-

ком кругу» превратился в пытку, а известие о невесте Мерцалова произвело на нее эффект землетрясения.

– Если ты успокоишься и объяснишь внятно, что ты имеешь в виду, возможно, я смогу тебе помочь.

– Речь идет о твоей невесте! – выпалила Елизавета, ожидая, что ей удастся смутить коварного ловеласа.

Но лицо Андрея не пошло бурыми пятнами, как она ожидала. Он тихо рассмеялся и попытался притянуть девушку к себе. Дубровская, озадаченная его странной реакцией, все же попыталась сопротивляться. Она молотила кулачками по его груди и обвиняла во всех смертных грехах. Чета Гладковых, не вовремя заглянувшая в царство пальм, увидев эту сцену, предпочла спастись бегством.

– У меня нет невесты! – бессовестно врал Андрей.

– Есть! – вопила Елизавета.

– Говорю тебе, нет.

– А как же Алина Павловская? – воскрикнула Лиза.

– Ах, Алина! Славная девчонка. Она тебе понравится.

Странно, что мнения матери и сына в этом вопросе совпадали. Дубровская могла сказать определенно, что у нее не было никакой охоты знакомиться с дочерью Павловских, даже если та будет похожа на кроткого ангела, специально спустившегося на землю для того, чтобы демонстрировать грешным свои небесные добродетели.

– Послушай, это банальная история, – успокаивал ее Андрей. – Мы с Алиной знакомы с детства. Наши родители –

закадычные друзья. Вполне естественно, что они хотели бы нас видеть такими же неразлучными и счастливыми, как они сами. Кроме того, была бы сказочная возможность объединить капитал, расширить бизнес и жить по-настоящему одной семьей.

– Значит, я спутала ваши планы... – В голосе Елизаветы явно слышались слезы.

– Что ты! Мы с Алиной лишены предрассудков, просто привыкли часто находиться вместе. Пусть тебя это не пугает. Мы – просто друзья!

– Друзья! Так я и поверила! Твоя мама четко дала мне понять, что Павловская – твоя невеста, – горячилась Лиза.

– Ах, вот откуда ветер дует, – понял наконец Андрей. – Моя мать поступила бестактно. Я обязательно ей об этом скажу.

– Не вздумай! – испугалась Лиза. Ей вовсе не хотелось становиться причиной семейного скандала. Начинать знакомство с жалоб и обид было неразумно. Вряд ли бы это сулило хорошие отношения в будущем.

Теперь, когда она узнала причину ее холодного приема в доме Мерцаловых, как ни странно, ей стало легче. Конечно, родители Андрея были обескуражены внезапным появлением новой подруги сына. Но так бы они отнеслись к любой девушке. Дубровская не сомневалась, что, как только Мерцаловы получше узнают ее, они оценят ее и, возможно, даже полюбят. Необходимо лишь время, а Дубровская соглас-

на была подождать.

– Ладно, закроем эту тему, – подвел черту Андрей. – Но обещаю тебе, что ты впредь будешь мне доверять, а не устраивать сцены ревности на пустом месте.

– Обещаю. – К Лизе уже вернулось хорошее настроение. Она улыбалась.

– Ты гораздо красивее Алины. Я тебя люблю, несмотря на это твое смешное платье.

– Да ты нахал! – напустилась на него Дубровская, пытаюсь дернуть обидчика за ухо. Тот не сдавался. Завязалась веселая потасовка.

Конфликт был исчерпан...

Но Елизавета напрасно надеялась, что ее неуверенность и тревога, после того как ситуация прояснилась, останутся позади. Как оказалось, все только начиналось. Увидев Алину Павловскую, она едва не превратилась в соляной столб. Если бы девушка прибыла в дом Мерцаловых в лягушачьей шкуре или верхом на метле, это не произвело бы столь сильного впечатления на Дубровскую. Все было гораздо хуже.

Легкомысленно приняв на веру комплимент Андрея насчет своих неоспоримых внешних преимуществ, Лиза как-то очень просто списала соперницу со счетов. И напрасно...

Алину Павловскую не зря называли ангелом. Она была натуральной блондинкой с прелестным округлым личиком в обрамлении длинных волос, фарфоровой кожей и чудесны-

ми, словно омытыми морем, русалочьими глазами. От этого лица трудно было отвести взгляд, а если это все-таки удавалось, то очарованному наблюдателю открывались другие достоинства девушки. Она была высока, изящно сложена. Ее пропорции были совершенны. Необъяснимое чувство чистоты и свежести, каким бывает только раннее майское утро, охватывало каждого, кто попадал в плен ее обаяния.

К прекрасным внешним данным прилагалось целое собрание достоинств Алины как личности. Она была естественна, начисто лишена снобизма, воспитана и приятна в общении. Она обладала редким даром нравиться, что теперь принято называть харизмой...

Конечно, столь незаурядные душевные добродетели были пока неизвестны Дубровской. Но от ее взгляда не ускользнуло то оживление, которое вызвал приезд дочери Павловских. Словно в темную комнату ворвался живительный луч света. Лица присутствующих, как по мановению волшебной палочки, разгладились, глаза заблестели.

– Сергей Аркадьевич, как я рада вас видеть. На днях смотрела ваше интервью на телевидении, вы были, как всегда, бесподобны. Но та настырная журналистка, в твидовом пиджаке, по-моему, не совсем хорошо знала суть проблемы. Если бы не вы, ее бы ожидал провал...

Эти слова были адресованы Мерцалову-старшему. Тот приподнялся с кресла, подставляя щеку для приветственного поцелуя. Елизавета, представив себе, сколько времени

пойдет, прежде чем она решится вот так же запросто поцеловать сурового мужчину, заметно поскучилась.

– Ольга Сергеевна, вы выглядите потрясающе. Кстати, на днях я видела в «Пассаже» шарф из шифона, который отлично подойдет к вашему белому брючному костюму...

Госпожа Мерцалова оживилась, будто в ее туго набитом заграничными туалетами шкафу не было ни одного шарфа.

– Андрей, дорогой, ты в прекрасной форме. Если бы я обладала твоей силой воли, я бы давно стала олимпийской чемпионкой. Но я – страшная лентяйка, в спортивный зал меня надо тащить на буксире...

«Ну-ну, – мрачно размышляла Дубровская. – Могу дать на отсечение голову, что она с утра до вечера терзает беговую дорожку. С такой фигурой быть лежебокой просто нерально».

Но Андрей, развесив уши, охотно выслушивал дифирамбы. Алина подарила ему традиционный поцелуй, а он вместо того, чтобы сухо поблагодарить ее за проявленную любезность, поцеловал ее сам. Наблюдая, как рука, совсем недавно обнимавшая ее, теперь обвивает осиную талию соперницы, Елизавета побледнела. Она сжала десертную вилку и вместо того, чтобы захватить ею кусочек торта, неожиданно громко треснула по тарелке. Все уставились на нее, включая Алину.

– Приятно с вами познакомиться, – услышала Дубровская ее голос. – Должно быть, вы – Лиза, молодой перспективный адвокат и подруга Андрея. Он мне столько про вас расска-

зывал...

Дубровская подозрительно взглянула на Алину. Но ни в ее голосе, ни в ее взгляде она не заметила насмешки. Похоже, Павловская говорила искренне, не пытаясь за красивыми словами спрятать свое истинное отношение к Лизе. Девушка-русалка протянула руку. Что оставалось Дубровской? Правильно, пожать ее.

Конечно, этот простой жест дружбы не требовал особого ритуала. Вежливость предписывала просто приподняться со своего места, что Елизавета и проделала. Оказавшись рядом с соперницей, Дубровская сделала еще одно не очень приятное открытие. Она была почти на голову ниже Павловской. Положение не спасали даже высоченные шпильки. Лиза поймала себя на мысли, что ей хочется встать на цыпочки, лишь бы окружающие не заметили такой разницы в росте. Как унижительно быть такой крохой! Тут уж не пошлешь на конкурентку взгляд, полный холодного достоинства, разве что придется для этих целей влезть на табурет...

Алина заняла место за столом, и беседа, прерванная ее появлением, возобновилась опять. Елизавета стала еще более рассеянной. Она исподтишка наблюдала за красавицей, стараясь отыскать хоть какой-нибудь изъян в ее внешности или манере поведения. Тщетно! Павловская легко управлялась со столовыми приборами, умудряясь при этом поддерживать разговор. Ее руки не висели, как плети, вдоль туловища; не теребили бахрому скатерти и не поправляли беспрестанно

белокурые волосы, что выдавало бы нервозность или застенчивость. Ни то ни другое было ей не свойственно. Она была уверена в себе и своей неотразимости. Ей не было нужды завоевывать сердца окружающих. Они давно и без остатка принадлежали ей. Елизавета чувствовала, что так же, как другие, она поддается ее необъяснимой силе: смотрит только на нее, невольно соглашается с ней во всем. Дубровская, казалось, испытывала мазохистское удовлетворение, разглядывая соперницу и убеждаясь, что та отнимает у нее пальму первенства абсолютно по всем показателям.

Алина умнее ее, красивее и находчивее. Ее белое простое платье смотрится на ней куда естественней, чем на Лизе ее вечерний наряд с треклятым колье на шее. Алина выглядела, как хрупкая фарфоровая статуэтка, Лиза – как глиняная напольная ваза...

– Елизавета, да что с вами?! – спрашивала ее Мерцалова.

Должно быть, она неоднократно пыталась привлечь внимание Дубровской, но та, витая где-то очень далеко, услышала ее не сразу.

– Что? – спохватилась Лиза, чувствуя, как предательская краска густо расползается по ее лицу.

– Я попросила вас передать Алине вот этот шоколадный крем. Вас это не затруднит?

– Нет.

Дубровская приподнялась со своего места. Должно быть, она сделала это слишком порывисто, а может, просто насту-

пила на длинный подол своего вечернего платья, но вазочка на хрустальной ножке вдруг вырвалась из ее рук, и ее содержимое оказалось на белом платье Алины.

– О, боже! – вскрикнула Мерцалова. – Это нужно срочно смыть. Пройдемте в ванную.

– Какая жалость, – вздохнула Павловская-старшая. – Это платье от Версаче я подарила Алине на Рождество.

Дубровская стояла чуть жива от страха. Она растерялась, не зная, чем помочь. А в возникшей за столом суматохе вдруг раздался спокойный голос самой «жертвы» происшествия.

– Не беспокойтесь. Дело не терпит суеты. Мне поможет Лиза, а вы можете спокойно заканчивать ужин. Ольга Сергеевна, вы не будете против, если я пройду в гостевую комнату за своими вещами?

– Делай все, что считаешь нужным, дорогая. Платье, я думаю, не спасти, но передай его на всякий случай нашей домоправительнице Капитолине. Она знает уйму рецептов выведения пятен.

Дубровская поплелась вслед за Алиной в ванную. Она волочила подол своего платья, готовая разреветься от неловкости и стыда. Этот вечер она будет помнить до конца своей жизни. По крайней мере, ей тогда так казалось...

– Не переживай, – утешала ее Алина в просторной ванной комнате Мерцаловых.

– Я не знаю, как так вышло, – оправдывалась Лиза.

– Я говорю тебе, что проблема не стоит выеденного яйца.

Ты ведь не специально.

– Нет, конечно. Но что обо мне подумают! Впервые ужинаю с родителями Андрея – и вот, извольте, такая глупая ситуация! Кстати, чем я могу тебе помочь?

– Не беспокойся, я не заставлю тебя стирать мое платье. – Павловская рассмеялась. – Все эти люди в столовой ужасно милы, но по отдельности. Вместе они могут быть невыносимы. Так что считай, что я спасла тебя от стаи голодных хищников.

Алина уже переделалась в белые хлопковые брюки и легкий голубой джемпер. Дубровская не могла не признать, что смена признанного мирового лейбла на повседневную одежду ничуть не отразилась на внешнем облике девушки, пожалуй, она стала еще привлекательнее. Зеркальные стены и потолок множили отражение Павловской, создавая эффект присутствия нескольких сказочных принцесс. Елизавета же рядом с ней явно проигрывала. Встревоженная, с нервным, каким-то опрокинутым лицом, она все еще не оправилась от шока. Ей совсем не хотелось возвращаться в столовую, где гости вполголоса обсуждают происшествие. Если бы было можно сбежать от позора, Лиза так бы и сделала. Но за столом сидела Вероника Алексеевна, которая претерпела все муки ада, краснея и бледнея за свою неловкую дочь.

Дубровская была благодарна Алине, что в критической

ситуации та протянула руку помощи той, которую видела впервые в своей жизни. Лиза была не столь хорошо воспитана, потому что сейчас, в буквальном смысле слова отправив в помойное ведро платье соперницы, она кусала ногти, не решаясь задать милой девушке бестактный вопрос.

– Алина! Я хотела у тебя узнать...

– Да?

– М-м-м, ты и Андрей... Андрей и ты...

– Так я и знала! Это проделки моей маменьки?

Лиза замотала головой, не слишком понимая, что нужно отвечать. Одно было бесспорно, Павловская умела читать чужие мысли на расстоянии.

– ...Можешь ничего не говорить, – разрешила Алина. – Эту сказку я слышала сотни раз. Мы с Андреем, мол, созданы друг для друга, и мир разобьется вдребезги, если мы не обменяемся с ним обручальными кольцами.

– А разве нет?

– Можешь не беспокоиться, у нас с ним разные дороги. Мы, конечно, друзья, но не более того.

Лиза не могла сдержать восторга. Она схватила Павловскую за руку.

– Правда?!

– Ну, конечно!

Алина и вправду была душечкой. Так красива, умна, порядочна и совсем-совсем не интересуется Андреем! В искренности ее слов не могло быть сомнений. Разве могла быть

Павловская столь спокойна и безмятежна, если бы она видела в Лизе соперницу?

– Как жаль, что мы не подружки! – вырвалось у Дубровской.

– А что нам мешает ими стать?

Когда бесконечный вечер подошел к концу, Андрей вышел проводить гостей. Елизавета заметила, что ее друг чем-то озабочен и странно молчалив. Когда она открыла дверцу машины, собираясь сесть за руль, он слегка придержал ее за руку.

– Подожди, не торопись.

Лиза послушалась, ожидая, что он скажет на прощание что-нибудь очень приятное и поцелует ее, как обычно. Но молодой человек был погружен в свои мысли.

– Слушай, я хотел тебя спросить. Ты это сделала специально?

– Что? – сначала не поняла Дубровская, но потом, осознав, что Андрей подозревает ее в злом умысле относительно Алины, поспешила оправдаться: – Нет-нет! Как ты мог подумать? Это получилось случайно.

Скорее всего слова прозвучали неубедительно, потому что Андрей сухо поцеловал ее в щеку. Он стоял и смотрел, как она заводит автомобиль, как трогается с места. Они еще не успели миновать подъездную аллею, а молодой человек уже скрылся за дверями дома. У него не было охоты провожать взглядом свою возлюбленную и махать ей на прощание

рукой.

Мать молчала почти всю дорогу, что на нее было совсем не похоже. И только тогда, когда они подъезжали к дому, она вдруг сказала то, что весь вечер не давало покоя Елизавете:

– Я не знаю, что тебе говорил твой драгоценный жених, но одно могу заметить вполне определенно. *С такой девушкой, как Алина Павловская, невозможно дружить. Ее можно только любить. Причем, прости за каламбур, не любить ее невозможно.*

Елизавета подняла глаза. В них стояли слезы...

Вскоре после злополучного вечера Лиза стала частым гостем в доме Павловских. «Тебе там абсолютно нечего делать», – заявляла мать, и где-то в глубине души Елизавета была с ней полностью согласна. Но разве она могла объяснить Веронике Алексеевне, что ее необъяснимо влечет к девушке, в которую, вполне возможно, тайно влюблен Андрей.

Это открытие сделала Елизавета совсем недавно. Таким образом, концы сходились с концами. Андрей – без ума от Алины, Алине безразличен Андрей. Только так можно было объяснить странное поведение парочки. Конечно, у Мерцалова есть глаза, и он прекрасно видит, насколько обворожительна и безупречна дочь их знакомых. Его родители лезут из кожи вон, только бы заполучить такую невестку. В этом Дубровская могла убедиться сама. Вероятно, и Павловские ничего не имеют против этого брака. Выгодно по многим

причинам. Вот только загвоздка в Алине. Она равнодушна к Мерцалову. А он страдает... В этом Дубровская была уверена и поэтому страдала сама. И по этой же причине она искала встречи с той, которая была для всех воплощением совершенства. Ей доставляло мучительное наслаждение видеть соперницу, наблюдать за ней и упиваться собственным убожеством.

Алина была ей всегда рада, чего не скажешь о ее родителях. Они держались отчужденно и не проявляли восторга при виде новой знакомой дочери. Лизу поначалу очень смущала такая неприветливость, но Алина посоветовала ей не принимать все близко к сердцу.

– Возможно, они немного скупы на эмоции и кажутся на первый взгляд сухарями, но дело не в тебе. Мы – потомственные дворяне, а это накладывает отпечаток на характер, хочешь ты этого или нет...

Снобы несчастные! Конечно, Дубровская не могла похвастаться родовитыми предками, но ее отец еще совсем недавно обладал большой властью. Разумеется, в их столовой не висели портреты дам в шляпах с перьями и мужчин с Георгиевскими крестами, но представление об этикете они имели и не ударили бы в грязь лицом, если бы кому-нибудь из них довелось сидеть за столом с важными персонами... Правда, после пресловутого ужина у Мерцаловых Елизавета не была в этом столь непоколебимо уверена...

Сама Алина, не в пример своим чрезвычайно надмен-

ным родителям, была мила и проста в общении. Можно было только диву даваться, насколько яблоко, в случае с дочерью Павловских, далеко упало от яблони. Девушка с удовольствием выслушивала длинные монологи Лизы, целиком и полностью посвященные ее проблемам; давала советы, которые не всегда услышишь и от опытного психолога. Так уж повелось, что Дубровская начала доверять новой подруге все свои секреты...

Как-то раз она пожаловалась Алине на деспотизм Мерцалова.

– Он ничего не хочет слышать о моей работе! Не знаю, как мне быть...

Действительно, Андрей заявил ей вполне определенно, что не желает видеть свою невесту в качестве адвоката по уголовным делам.

– Пойми, дорогая, это экономически невыгодно и с точки зрения здравого смысла неразумно. Ты не забыла ту милую историю, когда общение с одним из твоих подопечных едва не стоило тебе жизни?

Конечно, Лиза ничего не забыла. Более того, именно Мерцалов спас ее от неминуемой гибели, за что, если разобраться, она должна быть ему безмерно признательна. Но благодарность не относилась к числу сильных сторон ее противоречивой натуры. Дубровская злилась, дулась, но вопрос так и оставался открытым...

Однажды, когда Лиза уже и думать забыла о своем разговоре с Павловской, та вдруг напомнила о нем сама.

– У меня для тебя есть хорошие новости!

Алина достала из портфеля толстую папку и положила ее на стол. Дубровской неоткуда было ждать приятных известий, поэтому она только пожала плечами:

– Что это?

– Маленький ключик, с помощью которого ты запросто решишь все свои проблемы. Это твое первое арбитражное дело! Ты довольна?

Лиза не знала, что и ответить.

– Тебе представляется неплохой шанс начать строить свою карьеру заново, уже в другом качестве.

– Но откуда ты взяла это дело?

Алина лукаво улыбнулась.

– Много будешь знать... Впрочем, это не секрет. Мой давний знакомый Арсений Данилкин нуждается в юридической помощи. Я ему отрекомендовала тебя с самой лучшей стороны. Он просто умолял меня, чтобы ты взялась за его дело. Он готов оплатить тебе саму работу и, разумеется, результат.

– Ой, Алина! – испугалась Дубровская.

Ей не хотелось признаваться подруге в том, что она абсолютно ничего не смыслит в хозяйственных вопросах. Из всего многообразия насыщенной жизни бизнесменов и юристов она усвоила лишь одно – есть арбитражный суд, где все они сражаются не за жизнь, а за деньги. Упускать возможность

попробовать свои силы на новом поприще Лизе не хотелось. Вместе с тем она боялась подвести Алину и незнакомого ей легковверного Данилкина.

– Понимаешь, у меня нет опыта в арбитражных делах. Я занималась только уголовными.

– Ерунда! – Алина смотрела на вещи оптимистично.

– Не совсем. Процесс – вещь непредсказуемая. Я могу проиграть, а ты уже обещала результат.

– Это дело невозможно испортить. Вот увидишь! Все ясно и просто.

Лиза не была в этом уверена. Но скрепя сердце она взяла в руки папку. Рассеянно листая документы, которые значили для нее примерно столько же, сколько для медведя нотная грамота, она делано хмурилась. Увидев акт приема-передачи векселя, Дубровская испугалась не на шутку. Она захлопнула папку.

– Знаешь, я не занимаюсь векселями. Это такое... такое... Впрочем, ты не юрист, поэтому не поймешь.

Векселя вызывали у Елизаветы стойкую антипатию. Дубровская уже предвидела бесславный финал своего первого дела.

Алина как-то странно смотрела на нее.

– Ты увидишь, там нет ничего заумного. Это я могу тебе гарантировать как дипломированный экономист.

– Даже не проси! – Лиза зажала уши руками.

– Хорошо. Давай поступим по-другому. Ты берешь домой

папку, изучаешь ее и только после этого сообщаем мне свое решение. Если ты будешь по-прежнему против, я найду как выкрутиться перед Данилкиным.

Елизавета вынуждена была уступить.

К великому удивлению Лизы, дело и впрямь оказалось простым. Фирма «Резерв», в лице доверчивого бизнесмена Данилкина, заключила договор купли-продажи с фирмой «Русский лес». Закрытое акционерное общество представлял некто Плешак. Бедняга Данилкин желал приобрести автогрейдеры (что это за штука, Лиза так и не поняла, что, впрочем, не важно). Приятель Алины свои обязательства выполнил: передал Плешаку векселя на кругленькую сумму, но своих диковинных машин так и не дождался. В этом вся суть проблемы!

Лиза даже рассмеялась от удовольствия. Взыскать задолженность с кидалы Плешака смог бы даже первокурсник. Благо все документы были в наличии. Подписи и печати присутствовали. Дело, как и предсказывала Алина, было выигранным. Других вариантов и быть не могло!

Она позвонила Алине поздно вечером.

– Я берусь за дело.

– Рада слышать.

– Я думаю, что этот твой бизнесмен захочет со мной встретиться. Я буду свободна...

– Не торопись, Лиза. У него дел по горло, так что вряд ли он выкроит свободную минутку.

– Но речь идет о крупной сумме долга. Ему что, все равно, кому поручить вести дело?

– Ему достаточно моей рекомендации. Деньги за твои услуги, а также доверенность я берусь передать тебе сама.

– Доверенность?

– Ну, конечно! С этим документом ты пойдешь в суд представлять его интересы. Самому Данилкину маячить в суде нет никакого резона!

– Разумеется. – Лиза прикусила язычок. Про доверенность она как-то забыла. Вот что значит не иметь опыта!

– Хорошо. Тогда до встречи!

– Постой! – Лизе нелегко было просить подругу об одолжении. – Ты не могла бы...

– Все, что угодно, дорогая.

– Ты не могла бы... не говорить об этом Андрею? Мне хотелось бы, чтобы он подумал...

– ...что клиент нашел тебя сам. Услышал о твоих потрясающих победах в суде и бросился к тебе умолять о помощи.

– Ты смеешься? – огорчилась Лиза.

– Никогда! – заверила ее Павловская. – Знаешь, я сама хотела тебе это предложить. Ты меня опередила.

– Ты душечка, Алина! – воскликнула Лиза.

Ну, разве не чудо иметь такую подругу!

Дубровская со смешанным чувством гордости и страха прочитала доверенность, составленную Данилкиным.

«...уполномочиваю Дубровскую Елизавету Германовну быть моим представителем во всех организациях... Предоставляю право производить все необходимые действия... расписываться за меня... получать присужденные деньги».

Конечно, Лизе и раньше приходилось видеть такие бумаги, но доверенность, да еще с таким объемом полномочий, была выписана на ее имя впервые. Ей трудно было сдерживать эмоции.

– Ты какая-то странная сегодня, – с улыбкой заметил Андрей.

– Может быть, – важно призналась Дубровская. – И для этого есть повод.

– Надеюсь, это не поимка очередного маньяка.

– Стандартно мыслишь! Защищать серийного убийцу – это нерентабельно и неразумно.

– Ну, наконец-то, – вздохнул Мерцалов. – Дошло до тебя...

– Я собираюсь выиграть свое первое арбитражное дело, – выпалила Лиза, ожидая, что на нее обрушится шквал вопросов. Она не собиралась раскрывать Андрею суть, а думала обойтись общими фразами. Если он поймет, что дело проще некуда, интриги не получится.

Но вопреки ее ожиданиям Мерцалов не выразил желания копаться в дебрях чужих хозяйственных проблем. Лиза даже

была разочарована. Вместо этого он вдруг помрачнел и задал совсем неожиданный вопрос:

– Говорят, ты часто бываешь у Павловских?

– Да.

– Мне это не нравится.

Вот тебе раз!

– Почему?

– Не важно. Тебе там нечего делать!

Надо же, он повторил слова Вероники Алексеевны. Только та желала Лизе добра. А что хотел он, Андрей Мерцалов?

К сожалению, Лиза хорошо знала ответ на этот вопрос.

Плешак оказался рыхлым мужчиной лет пятидесяти с небольшим. Его воспаленные глаза и крупный с красными прожилками нос выдавали в нем большого любителя горячительных напитков. Он поминутно сморкался в платок, а потом им же вытирал мокрый лоб. Увидев Дубровскую, он шумно поднялся:

– Значит, это вы – представитель Данилкина?

– Да.

– А вы позволите мне взглянуть на вашу доверенность?

Лиза удивилась, но документ все же передала. Плешак прочитал доверенность чуть ли не по слогам, повертел в руках, зачем-то посмотрел на просвет.

– Ну что же, все верно... Я представляюсь, Иван Васильевич Плешак. Слышали про такого?

Лиза скромно пожала плечами:

– Довелось. Вы, как я понимаю, наша противная сторона.

– Не говорите так. Ваши слова ранят меня в самое сердце.

Лучше давайте-ка, пока есть время, заглянем в буфет. Этим ниже я видел чудесное местечко. Кофе – за мой счет!

– Я не думаю, что это будет корректно по отношению к моему доверителю.

– Что вы имеете в виду?

– Господин Данилкин доверил мне представлять его интересы в арбитражном суде. Распивать кофе с тем, с кем собираешься судиться, не только опрометчиво, а даже аморально.

– Это вам Данилкин сказал?

– Нет, такие вещи должен понимать каждый, кто называет себя юристом.

– Ну что же, Данилкину повезло с адвокатом. Кстати, он сам окажет честь суду? Мы его сегодня увидим?

– Может быть, – уклончиво ответила Елизавета.

Плешак взглянул на нее как-то странно. Он отошел в сторону, непрерывно сморкаясь. Под мышками на его костюме отчетливо проступали соляные пятна. Иван Васильевич сильно потел.

Предварительное слушание началось. Судья, немолодая женщина с короткой стрижкой, просмотрев документы, обратилась к Плешаку:

– Ответчик, вы признаете иск?

Мужчина запыхтел, как паровоз, идущий в гору. Он опасно взглянул на Дубровскую и негромко произнес:

– Не признаю. Хотя... хотя все, конечно, зависит от обстоятельств.

Судья передвинула очки на кончик носа и поинтересовалась:

– Нельзя ли выразиться более определенно?

– Нет, то есть, конечно, да... Я могу сказать только, что рассчитался с Данилкиным. С чего он вдруг...

Елизавета поразились. Плешак откровенно врал и потел при этом. Потел и врал.

– Значит, иск вы не признаете, – подвела черту судья.

– Не то чтобы нет...

– Ответчик, не морочьте суду голову. Если вы не сведущи в юридических вопросах, воспользуйтесь услугами представителя. В судебном заседании, которое я назначу...

– Постойте, – взмолился вдруг Плешак. – Не надо ничего назначать. Мы закончим дело миром.

– Ваше право, – заявила судья, поднимаясь. – Объявляется перерыв...

Лиза не успела и глазом моргнуть, как все было закончено. Честно говоря, она была разочарована. Во всяком случае, она ожидала более продолжительной процедуры. Вкус победы почему-то не ощущался, хотя, если говорить прямо, она ничего не выиграла. Плешак задрал лапки кверху еще до

того, как она успела вымолвить хотя бы слово.

– Вы свяжетесь с Данилкиным без моей помощи, – обратилась она к Ивану Васильевичу. – Я думаю, вам лучше встретиться вдвоем и договориться обо всем. Если я понадоблюсь, Арсений Александрович знает, как меня найти.

Плешак смотрел на нее во все глаза. Дубровской были непонятны причины столь странного поведения. Возможно, что директор «Русского леса» немного перебрал накануне и теперь его терзали галлюцинации.

Мужчина подошел к ней так близко, что Елизавета явно почувствовала запах пота. Он наклонился и прошептал, глядя ей прямо в глаза:

– А вы сами-то видели Данилкина?

Дубровская отшатнулась. Ну, конечно же, он успел хватить виски! Маленькая фляжка предательски оттопыривала карман его брюк. Девушка поспешила закончить странный диалог.

– Вы что-нибудь слышали об адвокатской тайне? Прощайте!

Она направилась к выходу, а Плешак продолжал смотреть ей вслед, теребя полу своего пиджака.

Когда Лиза подъехала к дому Мерцаловых, за поворотом широкой гравиевой дороги она увидела автомобиль Алины. Дубровская была немного раздосадована, поскольку планировала провести этот вечер вдвоем с Андреем. Конечно,

Павловская сделала для нее немало хорошего, и Елизавета была ей премного благодарна, но, как говорится, любовь не терпит подруг. А красавица и умница Алина была помехой, тем самым камнем преткновения, из-за которого Дубровская в последнее время совсем потеряла покой...

– Мне придется в скором времени уехать, – такими словами встретил ее Андрей.

Семейство Мерцаловых в полном составе и Алина, наверно, только что обсуждали эту новость, потому что у них в руках были красочные рекламные проспекты. Появление гостыи не вызвало у них бурной радости, и, едва поздоровавшись с Дубровской, родители Андрея продолжили разговор.

– Надолго? – спросила Лиза, ее настроение упало до нулевой отметки.

– Боюсь, что да.

– А это необходимо? Может, кто-нибудь сможет тебя заменить?

– Ну, что вы, милая, – возмутилась госпожа Мерцалова. – Разумеется, он должен ехать. В Париже проводится международная фармакологическая выставка. Будет очень много влиятельных бизнесменов. Вы должны понимать, что деловые контакты, сидя дома, не наладишь. Да было бы из-за чего спорить. Подумаешь, один месяц!

– Но выставки не могут длиться вечность! – возразила Дубровская.

– Все правильно, – попытался успокоить ее Андрей. – Но

у меня накопились кое-какие дела за границей, которые тоже потребуют внимания.

Елизавета прикусила губу. Краешком глаза она заметила, что Мерцаловы смотрят на нее с осуждением. И, осознавая, что своим упрямством она топит за собой свои же корабли, Дубровская решилась на отчаянный шаг:

– Возьми меня с собой!

– Об этом не может быть и речи, – возразил Мерцалов-старший. – Ваши отношения пока не оформлены. Как он представит вас своим деловым партнерам? Знаете что, милая девушка, репутация, во всяком случае, за рубежом, значит очень много. Фамилия Мерцаловых еще никогда не была связана ни с одним скандалом!

– Папа, твои взгляды безнадежно устарели, – поморщился Андрей. – Сейчас на скандалах люди делают деньги. Но в одном я согласен: Лизу брать с собой неразумно. Присутствие на деловых обедах и многочасовых обсуждениях контрактов будет для нее смертельно скучным занятием.

– Нет, почему же!

– Не упрямясь, Лиза. Ты не знаешь специфики моей работы и ничего не смыслишь в фармакологии. Тебе будет сложно вставить даже слово!

Конечно, он был прав. Дубровская, сама не зная почему, страшилась разлуки. Она боялась, расставшись с Андреем, потерять его навсегда.

– Ну же, – улыбался он. – У нас еще уйма времени! Я уез-

жаю не завтра.

И вечер пошел своим чередом...

Елизавета прогуливалась около своей машины, поджидая Андрея. Тот вызвался ее проводить, но внезапный телефонный звонок заставил его вернуться в дом.

Девушка рассеянно наблюдала за работой дворника, который сгребал в кучу опавшую листву. День стремительно катился к концу. На дорожках уже зажглись фонари.

– Барышня, – услышала она. – Вы бы убрали автомобиль в сторонку. Мне тут подмести надо.

– Хорошо. Мне не трудно, – согласилась Лиза. – Только вам все равно придется ждать хозяйку другой машины.

Дворник махнул рукой.

– Ее не дождешься. Она, должно быть, опять ночевать останется.

Лиза разом очнулась от своих дум.

– Вы имеете в виду Павловскую?

– Может быть. Она мне не представлялась...

Ах, вот оно что! Алина часто остается в доме Мерцаловых на ночь. Представив себе, что может произойти в то время, когда она будет спокойно спать в своей постели, Лиза даже похолодела от ужаса.

Ночь... Залитый лунным светом коридор. Мужская фигура, тихо ступая, направляется к комнате для гостей. Щелкает дверной засов. На кровати лежит девушка. Ее во-

лосы разметались на подушке. Мужчина ложится рядом...

Или другое. Тот же коридор. Та же луна. Только девушка сама открывает дверь мужчине. Мгновение. И они сплетаются в объятиях. Он на руках несет ее к постели. Занавес...

– Лиза, что с тобой? – Андрей смотрел на нее с улыбкой. – Ты что-то бормочешь себе под нос и как-то странно сжимаешь руки. Ты что, душишь очередного маньяка?

Дубровская покачала головой. Интересно, способна ли она на убийство из ревности? На первый взгляд нет. Но ведь никому не дано предвидеть свое будущее...

На следующее утро, когда Елизавета собиралась в суд, зазвонил телефон. В спешке, сортируя бумаги по отделениям портфеля, она меньше всего была расположена к беседе.

– Лиза... – раздался в трубке знакомый голос.

Это был Андрей, единственный человек, ради которого она была способна забросить свои занятия и поставить под удар деловую репутацию.

– Вот так сюрприз! – обрадовалась она.

Андрей почему-то ответной радости не проявил. Вместо этого он сухо поинтересовался:

– Лиза, я тебе говорил, что мне нужна только ты?

Эту тему Дубровская была готова обсуждать часами.

– Конечно, – ответила она, уже замирая от сладкого предвкушения дальнейших признаний.

– Я говорил, что тебе не о чем беспокоиться?

Если разговор будет продолжаться в том же духе, Лиза согласна послать к черту арбитражный процесс и висеть на телефоне сутки.

– Говорил, милый.

– Но, по-моему, ты меня не поняла, – грозно сказал он.

Дубровская слегка заволновалась. Если это признание в любви, то к чему этот суровый тон? Так не говорят влюбленные. Так может рычать только налоговый инспектор, проверяя наспех составленную декларацию.

– Ты ставишь в дурацкое положение не только себя, но и меня, в конце концов. О каком взаимном доверии может идти речь? Ты ведешь себя неправильно. Может, я не современен, но я привык считаться с мнением родителей. И мне не все равно, что скажут о тебе окружающие!

Лиза абсолютно ничего не понимала. Поток обвинений из уст любимого вывел ее из равновесия. Оправдания себе она придумать не смогла по той простой причине, что не знала, от чего ей обороняться.

Красноречие Мерцалова иссякло. Возможно, он осознал, что слегка погорячился, поскольку уже более спокойным тоном сказал на прощание:

– Извини, если я испортил тебе настроение, но это лишь потому, что ты мне небезразлична.

В трубке раздались гудки, и Лиза как замороженная стояла и смотрела на телефонный аппарат. Что произошло, она так и не поняла...

Разговор с Андреем выбил ее из временного графика, и в суд она ворвалась в начале десятого. Это означало одно: она непунктуальна и безалаберна. Но вопреки ее ожиданиям в кабинете судьи не оказалось ни Плешака, ни ее доверителя Данилкина.

– Они не явились, – объяснила судья. – Причины мне неизвестны. Быть может, вы хоть что-нибудь знаете?

Дубровская замотала головой.

– Вы обсуждали мировое соглашение?

Лиза замялась:

– Наверняка. Я так думаю... Хотя я ничего не знаю.

Судья сдвинула очки на кончик носа и в недоумении уставилась на Дубровскую.

– Вы не разговаривали со своим доверителем?

– Нет.

Женщина хмыкнула.

– Ну, что же! По крайней мере, я начинаю привыкать к сюрпризам. Судебное заседание я, конечно, отложу. Но настоятельно советую вам не испытывать мое терпение. Оно не безгранично.

Дубровская кивнула головой и попятилась к двери. Дурной день еще не закончился...

Конечно, ей пришлось поехать к Алине. Какая дикая ситуация! Она не знает телефонного номера своего клиента,

более того, ни разу не видела его в лицо. Конечно, при наличии доверенности с таким объемом полномочий это вовсе не обязательно, но все-таки хотелось бы иметь контакт с человеком, который платит тебе деньги.

Павловскую пришлось ждать. Ее мать, пропустив Дубровскую в дом, осмотрела девушку с головы до пят. Чем было вызвано подобное любопытство, Лиза не поняла. Ее проводили в комнату Алины и оставили в состоянии легкого беспокойства. «Она будет» – вот единственная фраза, на которую расщедрилась мадам аристократка. Ни больше ни меньше. Такое впечатление, что Дубровская пришла наниматься в прислуги.

Девушка уселась на вращающееся кресло и приготовилась к долгому ожиданию.

Бесспорно, комната Алины была гордостью молодой хозяйки. Если бы за окном особняка не стоял современный автомобиль, а на столе не лежал бы сотовый телефон, можно было бы предположить, что изобретена машина времени и Лиза попала в девятнадцатый век. Сейчас распахнутся массивные двери, и в комнату войдет молодая графиня в напудренном парике.

Со стен на неожиданную гостью снисходительно смотрели вельможные лица далеких предков Павловских. Тисненные корешки книг скупно мерцали на полках старинного шкафа. А бронзовый канделябр и чернильница с пером на бюро органично дополняли картину ушедшего столетия. Конечно,

здесь немного мрачновато, и сама Лиза предпочла бы жить в более жизнерадостной атмосфере, но комната была обставлена весьма искусно. Каждый, кто попадал сюда, надолго терял ощущение времени и забывал о суете бытия.

На глаза Лизе попала синяя бархатная коробочка, раскрытая, оставленная забывчивой хозяйкой на полке, среди многочисленных безделушек. На темном фоне рассыпались звезды. Во всяком случае, так показалось Елизавете первоначально. Она встала с кресла и подошла поближе. Увиденное оказалось серьгами, скорее всего старинной работы. Пять прекрасных крупных бриллиантов сверкали в каждой серьге.

Дубровская взяла в руки украшение и приложила к ушам. Зеркало в витиеватой бронзовой раме подтвердило, что серьги смотрятся великолепно. Создавалось впечатление, что камешки не скреплены между собой, а словно повисли в воздухе. Девушка повертела головой из стороны в сторону, наслаждаясь тем, как задорно скачут бриллиантовые огни на фоне ее темных, распущенных волос...

Внезапно зазвонил телефон. Елизавета не успела ничего сообразить, как в комнату вошла мадам Павловская. Увидев девушку с серьгами в руках, она застыла на месте. Дубровская и сама была застигнута врасплох неожиданным появлением матери Алины. Руки сами собой разжались, и серьги мягко упали на ковер.

Две женщины стояли напротив друг друга. В глазах одной

читались растерянность и стыд, в глазах другой – подозрительность.

– Мама, мне кто-то звонил? – С полотенцем на голове в дверях показалась Алина.

Увидев Лизу, она заулыбалась.

– Ты здесь?! Это здорово!

Лицо матери пошло красными пятнами, но, сообразив, видимо, что Елизавете предъявить все равно нечего, женщина переключилась на дочь:

– Я просила бы тебя впредь не разбрасывать драгоценности где попало.

Алина рассмеялась:

– А что, у нас завелись воры?

Павловская-старшая ничего не ответила, но, бросив на Дубровскую выразительный взгляд, покинула комнату. Алина состроила уморительную рожицу и покачала головой.

– Не обращай внимания. Мама не выносит беспорядка.

Она взяла коробочку и положила туда серьги.

– Это наша фамильная ценность. Досталась мне по наследству от прапра... тьфу, запуталась! – от какой по счету бабушки. Страшно подумать, сколько им лет! Они называются «бриллиантовые слезы». Хочешь примерить?

Дубровская замотала головой. С нее одной примерки было достаточно...

– Понимаешь, я чувствовала себя не совсем уютно, – го-

рочилась Лиза, пересказывая подруге подробности неудачного визита в суд.

– Я тебя не понимаю, – пожимала плечами Алина.

– Ну, как тебе сказать... Короче, я не имею понятия, на кого работаю. Что это за человек. Что он хочет, в конце концов.

– Ну, положим, то, чего он хочет, ты знаешь. Кто он – тоже не секрет. Тебе известно все: его фамилия и имя, паспортные данные, наконец. Чего тебе еще нужно? Семейное положение? Вредные привычки?

– Но я его даже не видела!

– А тебе это надо?

Лиза замялась.

– Вообще-то нет. Но мне важно узнать другое: как обстоят дела с мировым соглашением. Не могу же я находиться в неведении.

– Каким соглашением?

– Плешак хотел встретиться с Данилкиным, чтобы разрешить все спорные вопросы миром. Я думаю, он хочет отдать ему деньги. Во всяком случае, он сказал это на предварительном слушании в суде.

– Они не встречались. Это мне известно совершенно точно.

– Почему? Ведь Плешак говорил мне...

– Я могу только предположить. Похоже, наш должник просто водит всех за нос. Тянет время.

– Наверно, ты права, – задумчиво отозвалась Лиза. – Но это ему даром не пройдет. Я проучу пройдоху!

– Как? – с улыбкой спросила Алина.

– Помимо основного долга, он заплатит Данилкину пени. Чем дольше господин Плешак будет валять дурака, тем больше воздуха окажется в его бумажнике. Это я могу обещать. Кроме того, я попрошу суд наложить арест на его денежные средства и имущество. Не ровен час, наш Иван Васильевич пустит свое благосостояние с молотка и предстанет перед судом в облике голодранца.

– Мне кажется, кто-то утверждал, что ничего не смыслит в арбитраже? – лукаво спросила Алина. – Я уверена, что этот «кое-кто» немного поскромничал.

Лиза была польщена. Но она была настроена проявить упорство.

– Алина, попробуй связаться с Данилкиным. Вдруг они все-таки встретились.

– Обещаю, что я с ним поговорю.

– Ты можешь это сделать сейчас?

– Он очень занят.

– Это я уже слышала.

– Ну, хорошо, – сдалась Павловская. Взяв в руки сотовый телефон, она набрала какой-то номер. Прослушав сообщение, она поднесла трубку к уху Дубровской. «Связь временно затруднена. Надеемся на ваше понимание», – проговорил женский голос.

– Вот незадача! – огорчилась Лиза.

– Не переживай, – успокоила ее подруга. – Если я узнаю что-то новое, я обязательно тебе сообщу. Ты мне веришь?

А что еще оставалось делать Дубровской?

...Последующие дни не прояснили ситуацию, связанную с судьбой арбитражного дела. Господин Данилкин передал через Алину горячий привет Дубровской и искреннее недоумение по поводу мирового соглашения с фирмой «Русский лес». Похоже, Плешак действительно ушел в глубокое подполье. И вот тогда, когда Елизавета уже не ждала от него никаких известий, в ее доме раздался телефонный звонок.

– Это я, – вещала трубка густым мужским басом. – Мне нужна Дубровская.

– Она у телефона. С кем я говорю?

– Со мной, маленькая зловредная козявка!

– ?!

– Плешак на проводе.

Ах, это Иван Васильевич! Должно быть, он уже хорошо набрался, раз позволил себе оскорбления в адрес своего процессуального противника.

– ...получил от тебя какую-то странную бумажку. Как я понял, ты меня решила зарядить на крутые бабки? Все никак не уймешься?

– Если мне не изменяет память, мы на «ты» с вами еще не переходили, – осторожно возразила Лиза.

– Так давай перейдем! Лично я уже начал. Ты что себе позволяешь? Пишешь какие-то малявки и рассылаешь честным людям с требованием денег. Тебя этому учили в институте?

– Все, что я сделала, в пределах закона! А вот вы себе позволяете лишнее. Я могу записать наш разговор и привлеку вас за оскорбление.

– Ты этого не сделаешь!

– Это еще почему?

– Я прижму тебя к ногтю, и твоя статья в Уголовном кодексе будет куда круче моей. Понимаешь, о чем я толкую, детка?

– Нет.

Плешак захохотал.

– А я думаю, что ты понимаешь. Ну да ладно! Я – человек не злой. Даю тебе шанс. Давай отказывайся от иска, или, как там у вас, юристов, принято. Короче, сиди дома, или ты очень сильно об этом пожалеешь!

Ну, конечно, он пьян! Растягивание отдельных слогов, частая отрывка говорили о том, что Иван Васильевич перебрал лишнего и сидит, вперив мутный взгляд в бутылку с остатками спиртного, а она, Елизавета Дубровская, ведет с ним дискуссии о законе и совести. Да он наутро не вспомнит ее имени!

– Ты меня поняла? Привет Данилкину, маленькая лгунья! Дубровская повесила трубку и обреченно вздохнула.

Андрей, расхваливая преимущества арбитражного процесса, как-то говорил ей о том, что там ее будут окружать воспитанные, культурные люди. Что до нее, то ей почему-то приятнее было иметь дело с простыми уголовными элементами, чем с отдельными представителями бизнеса...

– Не размазывай слезы. На вот, возьми платок, – говорил ей Андрей. – Меня не будет только месяц. Время пролетит так быстро, что ты не успеешь соскучиться.

Они стояли в зале аэропорта. Пестрый людской муравейник вливался и выливался в стеклянные двери, суетился вокруг, покупая билеты, сдавая багаж, наспех отовариваясь газетами в киосках. Эти же двое, заплаканная девушка и молодой человек с чемоданом, среди толчеи были словно на необитаемом острове. Она отчаянно цеплялась за пуговицы его куртки. Он рассеянно гладил ее поникшую голову и изредка поглядывал на табло. Они оба мысленно торопили время. Пытка последними перед расставанием минутами казалась нестерпимой.

– Тебе будет некогда скучать, – повторял он. – Закончи свое арбитражное дело. Помнишь, ты обещала победу. Кстати, там у тебя все нормально?

Если бы он спросил это раньше! Лиза бы непременно пожаловалась ему на грубияна Плешака. Они вместе посмеялись бы над вечно занятым и неуловимым Данилкиным. Андрей, вполне возможно, дал бы ей дельный совет и заверил

ее, что все она делает правильно. Но он был так занят последнее время, так далек от нее самой и ее проблем. Не было бы беды, если бы причина крылась только в извечном цейтноте. Это бы Елизавета смогла пережить с легкостью. Но в его молчаливости, какой-то странной задумчивости ей мерещился вполне определенный смысл. Мерцалов мог смеяться и привычно подтрунивать над ней, а через минуту он уже был мрачнее тучи, невпопад отвечал на вопросы и смотрел так отрешенно, будто вместо Дубровской перед ним находилась стена.

Объяснение всем этим странностям было весьма несложное – Алина... Именно она была корнем всех проблем, той самой причиной, из-за которой их отношения с Андреем пошли наперекосяк. И не важно, что сама Павловская не испытывала романтических чувств к Мерцалову. Важно было другое. Андрей любил ее. Он страдал молча, не жалуясь. Ведь не мог же он открыть свое израненное сердце Елизавете. Сама же Дубровская не решилась вызвать его на откровенный разговор, боясь услышать правду, перешагнуть через которую она уже не сможет. Так они и существовали в последнее время. По инерции...

– Ну, так как дела с арбитражем? – спрашивал он только для того, чтобы не молчать. Не стоять же истуканами!

– Все хорошо, – отвечала она. Не могла же она потратить последние бесценные минуты на обсуждение недостойного поведения противной стороны.

– Я буду тобой гордиться, – пообещал он. Но ей хотелось слышать совсем иные слова.

Объявили посадку.

– Мне надо идти, – сказал он и потрепал ее по щеке, поцеловал в нос.

Так обращаются либо с неразумным ребенком, либо с собакой. Если бы на месте Лизы оказалась Павловская, он сжал бы ее в объятиях и целовал долго, по-настоящему. А потом они бы стояли рука в руке, не стыдясь влажных от слез глаз, пока женщина за стойкой, смущенно покашливая, не решилась бы прервать затянувшееся прощание.

Лиза так отчетливо представила себе эту картину, что на несколько секунд даже прикрыла глаза. Ей стало больно...

– Ну, пока! – улыбнулся он, собираясь уходить.

– Нет, постой! – очнулась она от забытья. – Я должна тебя спросить...

– Спрашивай, – позволил он, но взглянул на часы.

– Тот разговор по телефону, – быстро начала она. – Ты имел в виду...

Эта странная фраза-вопрос звучала, должно быть, сумбурно, потому что Мерцалов сначала нахмурился, ничего не понимая, потом его лицо прояснилось. Видно, он догадался, о чем идет речь.

– Забудь. Это все ерунда, не более того.

– Но ты говорил мне это все так серьезно. Ты сердился на меня!

– Разве? – удивился он. – А я и забыл.

– Но что случилось?

– Ничего. Ты какая-то странная в последнее время. Точно у тебя появились какие-то секреты...

И это он говорит про нее!

– До встречи, дорогая.

Дорогая, но не любимая!

Дубровская смотрела ему вслед, уже не сдерживая слез. Она знала, что больше его никогда не увидит. Над ней уже сгустились грозные тучи...

– А вы – премиленькая, – заявил Елизавете маленький тщедушный человечек. Он осмотрел девушку, как племенную кобылу, и остался доволен. – Признаться, я боялся увидеть чудище морское. Примерно так вас описал мне Иван Васильевич.

Дубровская наконец поняла, чем она обязана столь пристальному вниманию незнакомого мужчины. Они встретились в коридоре суда, и Елизавета поначалу никак не могла взять в толк, почему вместо Плешака рядом с кабинетом судьи топчется нечто напоминающее хорька.

– Вы, должно быть, представитель ответчика? – догадалась она.

– Так точно, – заявил мужчина. – Я – юрист. Афонин Петр Никанорович. Ваш старший коллега, между прочим.

Мужчина не сказал Лизе ничего особенного, но она уже

чувствовала по отношению к нему неприязнь. Слишком плотоядно посматривал он на нее, слишком приторная улыбка играла на его тонких губах. Должно быть, сам он считал себя таким плейбоем, но его наружность вызывала у дам скорее смех, чем сколько-нибудь серьезное отношение. Он был крохотного роста, с чахлой грудью и маленькими острыми глазками. Костюм, по всей видимости, на два размера больше, чем следовало, болтался на нем, как мешок на пугале. Редкая растительность едва прикрывала голову. Но все это ничуть не влияло на его самомнение. Он чувствовал себя привлекательным самцом, которого представительницы слабого пола готовы растащить на части.

– Мы с вами сработаемся, – подмигнул он Дубровской. – Как насчет randevu?

– Простите? – захлопала глазами Лиза.

– Вы не находите, что тесное общение двух юристов может принести взаимную выгоду обеим сторонам?

Девушка еще надеялась, что витиеватая речь Афонина скрывает за собой вполне безобидную суть. Не его вина в том, что из-за неурядиц на личном фронте Дубровская совсем утратила чувство юмора.

– Ну, так как? Пересечемся? – Он придвинулся к ней вплотную.

Лиза автоматически сделала шаг назад.

– У нас будет еще время обсудить мое предложение, – самодовольно заявил коротышка, восприняв молчание девуш-

ки как поощрение. – А сейчас я хотел бы выяснить одно: как вы отнеслись к инициативе Плешака?

Дубровская совсем перестала соображать:

– Вы имеете в виду мировое соглашение?

Пришел черед удивляться Афонину.

– Мировое соглашение? Что за ерунда!

– Тогда о какой инициативе идет речь?

– Вы собираетесь отказываться от своих требований?

Да он ополоумел! Телефонный звонок Плешака, когда тот заплетающимся языком нес какую-то чушь, был, оказывается, не лепетом запойного алкоголика, а предложением по урегулированию юридического спора! Самому Ивану Васильевичу, положим, мог помочь только нарколог, но с какой радости его юрист повторяет весь этот бред, Елизавета понять не могла.

– Вы шутите? – вырвалось у нее. – Почему я должна отказываться от иска, если это дело для меня выигрышное на все сто процентов?

– Так уж на сто? – забавлялся человек.

– Разумеется. Вы что, не читали документы, приобщенные к делу?

– Читал. Но вот что я скажу тебе, милашка. Я никогда не проигрывал и теперь не собираюсь. – Он хитро улыбнулся Дубровской. – Сказать честно, ты меня чертовски завела!

– ...Я прошу назначить по делу экспертизу с целью опре-

деления подлинности подписи Данилкина на представленной истцом доверенности...

Афонин говорил много и нудно. Елизавета не понимала ничего. Вернее, интуиция подсказывала ей, что творится что-то неладное. Если бы этот похожий на хорька человек нес несусветную чушь, судья остановила бы его в два счета. Но она почему-то хмурилась, изредка бросая пристальные взгляды на сжавшуюся в комок Дубровскую.

– ...оплату экспертизы гарантируем. Полагаем, что решение экспертизы будет иметь значение для определения возможности уголовно-правового преследования представителя истца.

Словно луч забрезжил в темном царстве! Последняя фраза звучала как выстрел. Кажется, кого-то этот смешной человек в нелепом пиджаке хочет обвинить в преступлении. Вот только кого? Этого Елизавета, как ни старалась, понять не могла...

Ходатайство представителя ответчика было удовлетворено. Судья назначила экспертизу. В деле был объявлен перерыв.

Оглушенная Елизавета вышла в коридор.

– Ну, что скажете? – зацепился за нее Афонин. Он просто раздувался от гордости и, по всей видимости, не собиравшись отпускать Дубровскую так просто.

– Я не совсем поняла, – призналась она. – В чем вы соби-

раетесь обвинить Данилкина? Он что-то сделал?

Неизвестно, что смешного нашел Афонин в ее немудреном вопросе, но он буквально согнулся от истерического хохота. Он веселился от души: притоптывал ногами по полу, держался за живот. Отведя душу, он устался на Лизу с любопытством натуралиста, встретившего редкое насекомое.

– Вы что, совсем ничего не поняли?

Дубровская замотала головой.

– Данилкин здесь совершенно ни при чем, – улыбаясь сообщил он. – Все дело в вас!

– Во мне?!

– Ну, конечно! Это вы совершили преступление! Это вы будете отвечать по закону!

В какой-то кошмарный момент Лизе показалось, что Афонин просто сошел с ума и сейчас появятся санитары, которые увезут его в царство белых халатов и смирительных рубашек. Шло время, но ничего не менялось. Жизнерадостный юрист по-прежнему скалился. Она все так же стояла перед ним, дрожа, как осиновый лист на ветру.

– Но что я сделала? – решила она на вопрос.

– А то сами не знаете, – недоверчиво хихикнул Афонин. – *Вы подделали подпись Данилкина на доверенности. Никакого Данилкина в природе не существует. Он умер пару месяцев назад.*

Они сидели в маленьком кафе, куда ее совсем недавно на

чашечку кофе приглашал Плешак. Лиза напоминала тряпичную куклу. Вялая, апатичная, она обмякла в кресле за дальним столиком. Рядом с ней искрился жизнелюбием Афонин. Он уплетал за обе щеки пломбир и вел с девушкой поучительную беседу. Хотя правильнее было бы назвать это лекцией на тему морали. Юрист не сомневался, что Елизавета его слушает, поэтому тон выбрал снисходительный и даже фамильярный.

– Ну, что я буду иметь с того, если такая симпатичная крошка, как ты, окажется в тюрьме? Моральное удовлетворение? Нет! Материальную выгоду? Опять нет! Что получит Плешак? Да ничего особенного, ради чего стоило бы ломать копья.

Он вытер молочную каплю на подбородке и облизал ложку.

– ...получит ли фирма «Резерв» свои деньги? А есть ли тебе до этого дело? Ведь бедняге Данилкину на это уже наплевать! А что получишь ты, милая? Во-первых, тебя попрут из адвокатов. Во-вторых, тебе светит немалый срок за мошенничество. А надо ли вспоминать, что с такой красивой, молодой и наивной девушкой сделает тюрьма? Бр-р-р.

Он доел мороженое и с вожделием взглянул на нетронутую порцию Елизаветы.

– Ты приобретешь немало полезных умений и навыков. Может, даже превратишься в секс-бомбу. Если ты, конечно, понимаешь, о чем речь... М-да! Но я – человек гуманный.

Мне не нужны жертвы. И если ты будешь разумной, мы без труда утрясем этот маленький инцидент.

– Как? – К Елизавете вернулась способность говорить.

– Без труда, милашка. Без лишних усилий и нервов, – заверил ее Афонин. – Ты не возражаешь, если я возьму твое мороженое? Я вижу, у тебя нет аппетита. Зря! Молодой девушке нужно питаться. На мой вкус, ты немного тоща.

Он придвинул к себе вазочку и энергично заработал ложкой.

– План такой. Для начала ты отказываешься от иска. Ты ведь уже поняла, что денег тебе не видать как своих ушей.

– Но что я скажу?

– А там ничего особенного объяснять не нужно. Ты отказалась от своих требований, и на этом точка! И второе...

Он громко чмокнул, облизал ложку и внимательно посмотрел на Лизу.

– Мы отметим нашу дружбу в узком кругу. Ты и я. Клянусь, ты не пожалеешь. Я – мужчина что надо!

Дубровская почувствовала на своем колене его потную ладошку. Она вздрогнула от неожиданности, но юрист руку не убрал. Глядя прямо ей в глаза и гаденько улыбаясь, он запустил руку под юбку. Елизавета даже не поняла, что случилось. Она действовала неосознанно, скорее машинально. Но вазочка с остатками пломбира оказалась почему-то на голове героя-любовника.

Молочные ручейки заструились по лоснящейся физионо-

мии представителя «Русского леса». Он облизал губы и достал из кармана платок. Промокнув им макушку и щеки, Петр Никанорович почистил лацканы пиджака, смахнул белые капли с брюк и только после этого взглянул на Лизу.

– Считай, что я ничего не заметил, маленькая мерзавка. Если ты такая горячая, может, это и к лучшему. Не выношу холодных женщин. Но будешь упрячиться – сгною! Запомни, тебе срок – от силы месяц! Пока не будет назначено судебное заседание.

Елизавета поднялась и, взяв в руки портфель, попыталась выйти из-за стола. Афонин задержал ее за руку.

– Там, где ты рискуешь оказаться в ближайшее время, ты будешь мечтать о любом мужике. Но к твоим услугам будут только грязные, немые бабы. Подумай об этом на досуге...

– Лучше, если мы с тобой встретимся в моей квартире, – сказала ей по телефону Алина. – В доме у нас появляться не стоит. Диктую адрес...

Дубровская была настолько вымотана последними событиями, что странная реплика Павловской прошла мимо ее ушей.

Алина встретила ее в роскошном кимоно с павлинами. Она была привычно улыбчива и спокойна. Усадив гостью в удобное кресло, девушка подала ей кофе. Мало-помалу Елизавета стала отходить от пережитого стресса. У нее даже восстановилась способность интересоваться окружающим ми-

ром, и она с удовольствием начала осматривать жилище по-други.

Здесь все было устроено по последнему слову дизайнерской моды. Ничего старого и мрачного. Никаких пыльных книг, антикварных безделушек, тяжелых бархатных портьер и ковров. Только хром, стекло и дерево. Минимум предметов, максимум воздуха и света. Но в этом просторе не было ничего холодного, безликого, офисного. Теплые тона, потрясающе удобная мебель, искусно подобранные мелочи...

Павловская, выслушав Елизавету, только пожала плечами.

– Этого не может быть! Ты видела свидетельство о смерти Данилкина?

Лиза беспомощно взглянула на подругу.

– Мне Афонин передавал копии каких-то бумаг, но боюсь, что я забыла их в суде. Я была в шоке!

– Еще бы. Я тебя понимаю. Но тем не менее ты должна была разобраться во всех его аргументах.

– Мне не хватило самообладания. – Дубровская покраснела до ушей. Как хорошо, что об ее позоре не знает Андрей!

– Скажу честно, я не так часто в последнее время видела Данилкина, – призналась Алина. – Мы общались с ним больше по телефону. Доверенность мне передала его бухгалтер. Я не заподозрила ничего ужасного. Мы перекинулись с этой женщиной парой фраз о погоде. Постой!

Алина соскочила с места и выбежала из комнаты. Через

минуту она вернулась с пестрой коробкой в руках.

– Сейчас я тебе покажу его фото. А то ты, пожалуй, вообразишь, что мой Данилкин – миф!

Дубровская не успела ничего возразить, как Павловская, перебрав проворными пальцами содержимое коробки, протянула ей снимок.

– Вот посмотри. Это мы вдвоем.

На фотографии действительно была запечатлена Алина и невысокий мужчина приятной наружности. Они сидели за столиком какого-то летнего кафе и улыбались в объектив. Перед мужчиной стояла кружка с пивом. На столе лежали розы.

– Этот снимок сделан нынешним летом. Как видишь, Данилкин – не фантом. Живой, здоровый и симпатичный мужчина...

Лиза с ней была согласна. Ее неуловимый клиент был уже немолод, респектабелен. Умное лицо с выразительными глазами, горделивая посадка головы, расслабленная поза и взгляд человека, знающего цену жизни. Одет он был по-летнему легко. Короткие рукава и расстегнутый ворот рубашки открывали взгляду густую растительность. В кармане его брюк, должно быть, находились часы. Дубровская заметила замысловатую змейку – цепочку, выходящую наружу. Стало быть, клиент Елизаветы любил дорогие эффектные вещи.

Улучив момент, когда подруга убирала со стола чашки, Лиза перевернула фото. «Помни А.Д.» Что же, все верно.

Арсений Данилкин...

– Но как же мертвый мог выдать доверенность? – спросила она и поняла, что сморозила глупость.

– Бог с тобой, Лиза! – возмутилась Павловская. – Сплюнь, не то накаркаешь.

– Он жив?

– Так же, как и мы с тобой! Я только вчера говорила с ним по телефону...

Елизавета предпочла бы провалиться сквозь землю, только не позволить подруге узнать об ее поисках. Она любила Алину и безоговорочно доверяла ей, но ситуация, в которой Лиза оказалась по странной прихоти судьбы, требовала ясности. Дубровская решилась, не советуясь с Павловской, посетить офис фирмы «Резерв» и побеседовать с тем самым бухгалтером, из рук которой Алина получила злосчастную доверенность. Благо, что юридический адрес предприятия Данилкина значился в реквизитах договора купли-продажи.

Улица Фестивальная пряталась где-то в отдаленном районе. Дубровская немало поплутала по дворам и переулкам, опросила около десятка граждан, прежде чем оказалась в нужном месте. Она ехала медленно, пытаясь за плотной завесой дождя рассмотреть номера домов. Итак, пятнадцатый, семнадцатый... Цель близка. Но что это?

Дом под номером двадцать один по улице Фестивальной оказался церковью!

– ...Нет, дитя мое, вы что-то путаете, – заверил ее седовласый священник. – Наш храм действует не один десяток лет, а мирских учреждений здесь отродясь не было.

Лиза, разумеется, уже поняла, что поиски завели ее в тупик. Но, продолжая цепляться за свою навязчивую идею отыскать следы человека-призрака Данилкина, она проявляла завидное упорство.

– Но бывало так, что в божьих храмах располагались музеи, детские приюты, дома пионеров, в конце концов! Не могло быть так, что фирма «Резерв»...

– Нет. Бог миловал, – смиренно возразил ей мужчина с крестом на груди. – Я бы с удовольствием рассказал вам об истории нашей церкви, но через час должна начаться служба, и я совсем не располагаю временем.

– Но, может быть, я перепутала улицу или что-то не в порядке с нумерацией домов? – упрямылась Лиза, хотя несколько минут назад она рассматривала ясный и четкий, даже с электрической подсветкой, указатель.

– Да нет – это и есть улица Фестивальная, двадцать один.

– Но, возможно, вы слышали о некоем Данилкине, директоре фирмы «Резерв»? – предприняла Дубровская еще одну попытку.

– Я не знаю фамилий наших прихожан, – терпеливо втолковывал ей священник. – Для церкви они все рабы божьи. Здесь нет директоров и следователей. Дитя мое, поверьте, вы ищите не там, где нужно.

– Спасибо, святой отец, – пробормотала Дубровская, уже сожалея о собственном упрямстве.

Она вышла из церкви в полном замешательстве. След Данилкина был безвозвратно потерян...

Было что-то около полуночи, когда затренькал телефон. Елизавета еще не спала, смотрела по телевизору какой-то чрезвычайно нудный фильм. Мысли ее были далеко от сюжета картины, поэтому, услышав настойчивый сигнал мобильного, она вздрогнула.

– Елизавета Германовна? – раздался незнакомый мужской голос.

– Да. – Лиза сглотнула. Она терпеть не могла ночные звонки. Так уже не раз случалось, что, кроме неприятностей, они ничего иного не приносили.

– Это Арсений Александрович.

– Какой? – осведомилась Лиза, понимая, впрочем, что поступает не совсем вежливо.

– Данилкин.

– ?!

– Госпожа Дубровская, вы меня слышите?

– Да, – тихо ответила Лиза. В ее голове был сумбур.

– Павловская Алина передала мне, что вы желаете со мной переговорить. Я, правда, не знаю предмета беседы. – Мужчина закашлялся. – Я не думал, что у вас возникнут вопросы ко мне. Дело, мне казалось, – яснее ясного.

– Арсений э-э-э... Александрович, мне не то чтобы что-то не ясно. Мне все понятно, кроме одного. Вы э-э-э... как бы выразиться? Вы... здоровы?

– Вас беспокоит мой кашель? – глухо рассмеялся мужчина. – Не обращайтесь внимания... кхе-кхе... я немного простыл, но, в целом, жив и относительно здоров.

– А вы в этом уверены? – осторожно осведомилась Лиза.

– В чем? – не понял Данилкин. – В том, что я здоров?

– Нет... жив?

– Очень занимательно. Вы что, шутите?

– Совсем нет. Не поймите меня неправильно, – испугалась Лиза. – Но тут про вас такое говорят! Заявляют, что вы умерли, да еще несколько месяцев назад. А я вас никогда не видела. Я не знаю, что и думать...

– Кто говорит?

– Плешак и этот его представитель... как его? Афонин.

– Пронюхали-таки. Вот прохвосты!

– Как вас понимать? – обмерла Лиза.

В трубке раздался смех, перемежаемый продолжительным кашлем.

– Не бойтесь, Елизавета Германовна. Это не звонок с того света, заверяю вас. Как вы думаете, покойники болеют?

– Полагаю, что нет.

– Вы правы. В жизни не видел ни одного кашляющего мертвеца. Значит, я жив!

– Но как же тогда...

– Я объясню. Вообще я жив. Но для некоторых людей... кхе-кхе... я умер. Маленькая мистификация для моих недоброжелателей.

– Вы хотите сказать... – начала догадываться Дубровская. – Так вы скрываетесь от своих конкурентов?

– Вот именно.

– Вы боитесь Плешака?

– Нет. Зачем мне прятаться от Плешака? Он мне должен, а не я ему! Ради него я не стал бы затевать весь этот спектакль. Есть серьезные люди, и есть серьезные дела. Не могу только взять в толк, как удалось этому прохиндею что-то узнать. Он никогда не видел дальше своего носа.

– Вы должны были это предположить! Зачем же, если вы так хотели быть для всех мертвым, нужно было затевать это треклятое дело в арбитражном суде? Сидели бы себе тихо, а не искали приключений себе и мне на голову...

– Мне нужны деньги, – просто объяснил Данилкин. – Быть мертвецом, знаете, стоит некоторых средств. Я... кхе-кхе... оторван от бизнеса, должен же я на что-то существовать!

– Но вы подставили меня! – возмутилась Лиза.

– Клянусь, я не хотел этого.

– Но мне от этого не легче! Меня обвиняют в мошенничестве.

– Как я вам могу помочь?

– Приходите в суд! Там вы все объясните, и с меня снимут подозрения.

– Это исключено... Я не для того организовывал свою смерть, чтобы так просто от всего отказаться.

– Но мне-то что вы прикажете делать?

– Знаете, милая Елизавета Германовна... Кхе-кхе, ради вас я готов пойти на жертвы. Отказывайтесь от иска! Черт с ними, с деньгами...

– Поздно, – чуть не плакала Лиза. – Афонин просто жаждет моей крови! Даже если я откажусь от иска, он захочет подвести меня под уголовную статью. Это он мне дал ясно понять. Он не уймется. Вот если бы вы встретились с Иваном Васильевичем...

– Лады! – принял решение Данилкин. – Назначьте встречу Плешаку. Кхе-кхе... Все объяснения я беру на себя. От вас потребуются немногое: организовать наше randevu там, где я вам скажу. Возьмите бумагу, я буду диктовать...

Лиза, всхлипывая, схватилась за записную книжку. Она торопливо записывала детальную инструкцию Данилкина. У нее была уйма вопросов, но она не решалась задать их своему клиенту. Не ровен час, он бросит трубку или их разъединят. Что тогда она будет делать?

– Кхе-кхе... Это все мои условия. Только так я согласен на встречу. Да! И последнее...

– Слушаю, – затаила дыхание Дубровская.

– Я требую полной конспирации. Если у меня возникнут подозрения, что против меня ведут нечестную игру, не обессудьте. Я на встрече не появлюсь!

Хорошенькое дело! Лизе ставят условия, будто это она заварила всю эту кашу! Но ей не оставалось ничего иного, как соглашаться. Только так все проблемы будут решены, и она наконец будет спать спокойно...

...Узнав о встрече, Афонин без обиняков заявил:

– Не знаю, милашка, что ты затеяла, но мне твое предложение не нравится. Очень мутная история, ты не находишь? Встретиться глубокой ночью где-то у черта на рогах! Но я умываю руки. Если мой шеф не возражает, я тоже не против. Замечу, однако, что моя идея с уик-эндом на двоих – все еще в силе. Ну как, может, не будем искушать судьбу?

Лизу передернуло, но она взяла себя в руки. Дело прежде всего!

– Я надеюсь, вы все верно запомнили. Два часа ночи, озеро Провальное, туристическая база «Кедры». Не опаздывайте!

– Да-да, дорогуша... Крайняя дача у озера. Машину оставить на дороге. В дом зайти одному Плешаку. Все верно?

– Да.

– Знаешь, детка, мне почему-то кажется, что тебя ждут крупные неприятности. Ты плохо закончишь...

Лиза повесила трубку. Ей на самом деле было не по себе. Глухо ныло сердце, предчувствуя беду...

Ночь была кошмарной. Ветер пронзительно завывал в ко-

ронах деревьев. В этом звуке слышались будто человеческие стенания, и Елизавету попеременно бросало то в жар, то в холод. Непогода превратила озеро в булькающий котел. Белые барашки волн, с шумом накатывающие на берег, создавали иллюзию того, что девушка находится не на озере, а на море. В довершение всех бед, туристическая база была почти что безлюдна. Хотя в этом как раз не было ничего удивительного. В этот сезон, да при такой-то погоде, польститься на отдых здесь мог разве безумный любитель природы или блудливая парочка, которой без разницы где уединяться.

Сонный сторож открыл Лизе ворота, и она, с трудом различая дорогу, в неверном свете фонарей, поехала по направлению к озеру. В домике уже горел свет, и это красноречиво свидетельствовало о том, что девушка в очередной раз опоздала. В нескольких метрах от дачи стоял серебристый джип. Лиза заглушила двигатель и вышла в ночь.

Крепкий порыв ветра подхватил ее легкую фигурку и толкнул вперед. Казалось, неведомая сила торопит ее к месту назначенной встречи. С неба моросил мелкий дождь. Было отвратительно холодно. Спотыкаясь, девушка направилась к даче.

– Мое почтение, авантюристка, – перекрывая непогоду, раздался знакомый голос.

Боковое стекло джипа поползло вниз, открывая взору хмурую физиономию Афонина. Он что-то говорил, но Лиза с трудом различала его слова, да и его самого, поскольку ве-

тер в неистовстве разметал ее волосы, закрыв прядями глаза.

– А? – переспросила она, почти на ощупь определяя дорогу.

– Говорю, шевелись быстрее, – проорал Афонин. – Шеф, почитай, уже полчаса как там. Вытаскиваешь людей из постели среди ночи, а сама еле ноги передвигаешь.

– Данилкин явился? – спросила Лиза.

– А мне откуда знать? – не слишком любезно ответил юрист. – Я, как велено, сижу здесь и дожидаясь, чем закончится вся эта затея.

Дубровская не стала терзать вопросами Афонина, тем более что он по какой-то причине был зол как сто чертей.

«Ничего, – успокаивала она себя. – Еще каких-нибудь два часа, и все закончится. Я буду смеяться, вспоминая эту ночь...»

Закрыв за собой массивную дверь, Дубровская оказалась в небольшой прихожей, скупо освещенной лампой-фонарем.

«Это наша гордость – домик-„люкс“ для самых взыскательных клиентов, – не скупился на рекламу начальник туристической базы. – Здесь проходят корпоративные вечеринки, ведутся переговоры, встречи в неформальной обстановке. К вашим услугам – просторная кухня с бытовой техникой, душевая, гостиная. Есть балкон с прекрасным видом на озеро. Тут чудесно дышится и думается. Если, предположим, вы занимаетесь научным трудом, придумываете мо-

дели одежды или же сочиняете статью для газеты, то всего за неделю в вашей голове воцарятся мир и порядок, вдохновение само запросится к вам в гости и поселится вот на этом симпатичном диванчике в гостиной». Лиза, помнится, прервала соловьиные трели начальника, заявив, что ей подобное чудо необходимо всего на один день, вернее, ночь. «Деловые переговоры», – коротко объяснила она. Но мужчина-поэт, видимо, все понял. Подмигнув Лизе, он доверительно прошептал ей на ушко: «Помимо всех перечисленных достоинств, здесь имеется очень широкая и удобная кровать. Ваши переговоры пройдут с успехом». Дубровская не стала продолжать беседу, просто заплатила по счету и уехала, и вот теперь обитель муз была в полном распоряжении ее клиента-невидимки и Плешака...

Из гостиной слышались голоса. Значит, все были в сборе. Монотонно повторяющиеся звуки, не то стук, не то хлопанье, заглушали разговор. Что-либо разобрать было невозможно.

Лиза на минуту замешкалась. Достав из сумочки расческу, она спешно привела себя в порядок. Ей не хотелось появляться перед Данилкиным в растрепанном виде. Первое впечатление бывает самым сильным и правильным – это было ей известно.

Уняв дрожь в коленях и приказав себе не беспокоиться понапрасну, Дубровская вошла в гостиную...

К ее удивлению, комната оказалась пуста. Диванчик, на котором должно было валяться «вдохновение», сиротливо ежился в углу. Распахнутая балконная дверь, издающая те самые непонятные звуки, при появлении Елизаветы оглушительно хлопнула. Занавеска надулась, словно парус, и вновь опала.

Грузную фигуру Плешака девушка заприметила почти сразу же. Он по-хозяйски развалился на кресле в кухне. Телевизор орал что было мочи. Неудивительно, что Иван Васильевич не заметил появления Дубровской. Хотя, вполне вероятно, он сделал это нарочно, демонстрируя свое пренебрежение непунктуальной особе. Никакого Данилкина в кухне и в помине не было. А то, что из-за двери казалось разговором, было лишь словесной дуэлью двух ошетинившихся тележурналистов.

Атмосфера явно была предгрозовой. Грубиян Плешак, обнаружив бессовестное надувательство со стороны Лизы, без всяких сомнений, был готов затеять самую гнусную сцену с площадной бранью и угрозами. Дубровской все это мало хотелось видеть и слышать, поэтому она лихорадочно обдумывала пути к отступлению. Можно было тихонько выйти и уехать. Не беда, что снаружи Плешака дожидается Афонин. Авось они как-нибудь между собой разберутся. Хуже было то, что Данилкин так и не появился...

Лиза сделала шаг назад и едва не оступилась. Какой-то тяжелый предмет выкатился у нее из-под ног и предательски

громко стукнулся об дверь кухни. Девушка вздохнула. Похоже, она выдала себя. Отступить было некуда.

Она наклонилась и подняла шар. Это оказались часы с золоченым циферблатом, выполненные из природного камня. Кажется, она видела их на столике в кухне в тот самый раз, когда хвастливый начальник «Кедров» показывал ей внутреннее убранство бунгало. Нелепая вещь, претензия на роскошь, не более того...

– Иван Васильевич, – позвала она. – Вы, конечно, думаете, что я нарочно вытащила вас ночью.

Плешак не взял на себя труд хоть как-нибудь отреагировать. Лиза топталась на пороге, держа в руках треклятые часы. К тому же они оказались испачканы чем-то липким, и девушка, брезгливо сморщив нос, поспешила поставить их на холодильник.

– ...вы можете мне не верить, но я – такая же жертва обстоятельств, как и вы сами. Я получила от своего клиента клятвенные заверения в том, что он придет сюда и обсудит с вами все вопросы. Разве я могла подумать...

Лиза осеклась. Что-то неправильное, не то слишком театральное, не то чересчур вызывающее, почудилось ей в самой позе Плешака. Повинуясь внезапному порыву, она подошла к нему и дотронулась до плеча. Мужчина не оглянулся. Вместо этого он, как тяжелый куль с мукой, сполз с кресла и оказался на полу, прямо под ногами испуганной девушки.

Дубровская отшатнулась. Она толком ничего не успела

понять. Наверно, Иван Васильевич был, по своему обыкновению, беспробудно пьян – его глаза бессмысленно смотрели в одну точку, а рот приоткрылся в какой-то глупой ухмылке.

Лиза принесла в кружке воды и попробовала приподнять голову Плешака. Тщетно! Он не собирался реагировать на внешние раздражители. А вот ладонь девушки, поддерживающая затылок мужчины, почувствовала что-то теплое и влажное. Она рассеянно перевела взгляд. Ее рука оказалась испачкана в крови!

Дальнейшее она осознавала с трудом. Кажется, она закричала. Затем, словно испуганная птица, заметалась по кухне. Телевизор захлебывался рекламой. Она выключила его. Вытащив из кармана носовой платок, она начала с остервенением вытирать руки, как безумная, кинулась к двери. Ей хотелось как можно скорей оказаться в своей безопасной и родной машине!

Но, видно, ее испытаниям еще не пришел конец. Толкнув дверь бунгало наружу, Дубровская натолкнулась на какое-то препятствие. Им оказался человек. Издав звериный вопль, тот схватился за голову и завертелся на месте волчком. У Лизы не было охоты узнавать у него, в чем дело. Остатки здравого смысла покинули ее, и она, перепрыгнув через ступеньки крыльца, понеслась к машине.

С трудом развернувшись на узкой дорожке, она, должно быть, зацепила джип. Но останавливаться и разбираться ей было некогда. Она уже мчалась к выезду из турбазы. Воро-

та были закрыты, и она беспрестанно жала на гудок, пока не появился злой заспанный сторож. Он собирался было отчитать хулигана-водителя, но, увидев за стеклом перекошенное гримасой женское лицо, махнул рукой. Связываться с истеричкой было себе дороже...

«Я еду домой! Еду домой...» – как заведенная повторяла Дубровская. Она гнала машину по темной дороге, не обращая внимания на указатели. Ночь за стеклом и пережитый ею ужас слились воедино. Она сидела, вцепившись руками в руль и пытаясь в кромешной мгле различить огни города. Ей казалось, что кошмар не выдержит яркого света оживленных улиц; он рассеется под натиском рекламных щитов, неоновых вывесок и нарядных витрин. Все встанет на свои привычные места, а к тому моменту, когда она проснется в своей теплой и уютной постели, ночные видения покинут ее не в меру расшалившееся воображение...

Город мчался ей навстречу, и Лиза понемногу начала приходить в себя. Зубы ее уже не отбивали чечетку, а ледяные пальцы ослабили железную хватку и почти спокойно удерживали руль. Она миновала окраины и влилась в размеренное русло ночного движения. Машин на улицах было немного, а темные окна пролетающих мимо домов хранили покой спящих граждан. Был тот самый час, когда любители тусовок, покинув ночные клубы и дискотеки, уже преклонили головы на подушки, а ранние пташки досматривали свои последние

сны.

Мечтая о горячей ванне и чае с мятой, девушка, ловко маневрируя в лабиринте дворов, уже приглядывала себе удобное место для парковки. Но что это? Рядом с ее подъездом стояла машина с мигалкой. Похоже, это была милиция. Удивляясь, кому в такой час потребовалась экстренная помощь блюстителей порядка, Лиза заглушила двигатель. Она собиралась уже покинуть свое авто и открыла дверцу, как неожиданное зрелище заставило ее похолодеть от ужаса. В салоне зажегся свет, и на ее руках стали отчетливо видны темно-коричневые бороздки. Кровь бедняги Плешака уже успела подсохнуть, но, как и следовало ожидать, она никуда не испарилась. Дубровская поискала в карманах платок, но его там не было. *Ее платок со следами его крови* остался на месте происшествия! А еще там был юрист Афонин, который видел, как она вошла в дом и в каком состоянии она его покинула.

Кошмар вернулся. Ей вдруг стало понятно, что делает здесь милицейская машина в предутренний час. В любом другом случае Лиза бы только порадовалась оперативности служителей закона, но сегодня... *Они ждали ее!*

Рассуждения Дубровской были недолгими. Идти в руки милиции тогда, когда на руках едва обсохла кровь, и надеяться на поддержку и понимание было непростительно глупо. Во всяком случае, Лиза в этом была убеждена.

Оставалось немного: уносить отсюда ноги и молиться. Но

что делать потом?

Включая зажигание, Лиза не искала ответ на этот вопрос. Она подумает об этом потом, позже. Когда будет в безопасности...

Она проснулась от жуткого холода. Тело ее свело судорогой, а голова гудела, как колокол. Салон ее машины превратился в ледник, а сама она в свежемороженную рыбу.

Лиза провела ночь в автомобиле с выключенным двигателем. Вернее, она проспала там всего несколько часов, но этого оказалось достаточно, чтобы насквозь продрогнуть. У нее не было другого выхода: горючее следовало экономить. Конечно, деньги у нее были, но далеко не в том количестве, которое позволило бы снять номер в гостинице или же махнуть в другой город, подальше от неприятностей.

Воспоминания о жуткой ночи добавили мигрени в ее бедную голову. Необходимо было что-то предпринимать, но она не имела ни малейшего понятия, с чего следует начать...

Дубровская глянула на себя в зеркало. Зрелище оказалось не самым приятным. Лицо приобрело бледно-голубой оттенок, а губы на этом фоне казались просто черными. Она взяла помаду и пудреницу и попыталась привести себя в божехий вид. Стало еще хуже. Теперь она напоминала клоуна. Так нелепо смотрелась косметика на ее изможденном лице с лихорадочно горящими глазами.

Дубровская тяжело вздохнула. Внезапно зазвонил теле-

фон. Этот звук показался ей сигналом с другой планеты, так неуместно звучал мотив легкомысленной песенки в тот момент, когда она находилась во власти ночного кошмара...

– Алло?

– Елизавета Германовна, это я. Не узнаете? Афонин.

Дубровская чуть не нажала отбой. Юрист, видимо, почувствовал ее испуг и, прежде чем она успела нажать на спасительную кнопку, поспешил продолжить:

– Не кладите трубку, прошу вас. С вами говорит друг.

Голос его звучал нормально, даже дружелюбно. Это озадачило Елизавету, и она как замороженная ждала продолжения.

– Вы не считаете, что нам следует встретиться? – спросил он.

В этом вопросе не было даже намека на ту похабщину, которой он изводил ее в последнее время. Или это ей только казалось?

– Зачем?

– Я думаю, вам захочется с кем-нибудь поговорить о событиях прошедшей ночи...

Это было правдой. Больше всего на свете Лизе хотелось кому-нибудь рассказать о том ужасе, который она успела пережить за прошедшие сутки. По иронии судьбы, первым ее слушателем должен был стать человек, которого она ненавидела и опасалась. Но поскольку он сам оказался вовлечен в водоворот печальных событий, игнорировать его предложе-

ние о помощи было бы по меньшей мере неразумно. Лиза решила.

– Понимаете, – начала она. – Я до сих пор не могу прийти в себя...

– Я все прекрасно понимаю.

– Да нет! Вы наверняка думаете обо мне черт знает что! Но для меня стало полнейшей неожиданностью то, что мне довелось увидеть. Плешак мертв, а я даже не могу предположить, кто его мог убить!

– Мне ясно лишь одно: это не мы с вами.

– Вы правда так считаете? – обрадовалась Лиза. – Я боялась, что вы можете подумать...

– Что вы убили беднягу Плешака? Боже мой, Елизавета Германовна, как вы могли такое предположить?

Дубровская почувствовала, как тяжелый комок ее издерганных нервов разом разжался. На душе стало светло, а из-за туч, впервые за несколько последних дней, выглянуло солнце.

Лиза тараторила, как заведенная, пытаясь словесным потоком выплеснуть на собеседника весь пережитый ею кошмар.

– ...я глазам своим не поверила. Он сидел в кресле и смотрел телевизор. Я разговаривала с ним, даже взяла его за плечо. А он упал! Я пыталась привести его в чувство. Если бы не кровь, я решила бы, что он пьян. Боже, как я испугалась! Я кричала и носилась как сумасшедшая...

Словно прорвало шлюз. Слова набегали одно на другое.

«Да, да...», «Как я вас понимаю», «Это было ужасно», «Кто бы мог подумать!». Афонин не скупился на сочувствие, а Лиза болтала без умолку.

Раздался звуковой сигнал.

– Какая жалость! – воскликнула Лиза. – Батарея вот-вот сядет, а зарядного устройства с собой нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.